

НОВАЯ ПОЛЬША 6/2006

Содержание

1. ПОЛЬСКИЙ МИФ 1956 года
2. ПОЗНАНСКИЙ ИЮНЬ 1956 года
3. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
4. ПРОСТИТЬ И ПОЛУЧИТЬ ПРОЩЕНИЕ НЕ ЗНАЧИТ ЗАБЫТЬ
5. О ЯЗЫКАХ ОБЩЕНИЯ
6. ПАМФЛЕТ НА САМОГО СЕБЯ
7. ЗАМЕТКИ ПЕРЕВОДЧИКА
8. СТИХИ ПОЛЬСКИХ ЛАГЕРНИКОВ
9. РОД ШЕПТИЦКИХ
10. «НЕ БЕЗ ПРИЧИНЫ ЕПИСКОПСКИЙ ПОСОХ НОШУ...»
11. ОТГОЛОСКИ ГОДОВЩИНЫ СМЕРТИ БРОДСКОГО
12. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ
13. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
14. В ЗАЩИТУ ЧЕЛОВЕКА
15. “Рецензия и полемика” – конкурс “Новой Польши”

ПОЛЬСКИЙ МИФ 1956 года

Публикация составлена на основе устных интервью с бывшими диссидентами и политзаключенными, записанных в 1992–2006 гг. в рамках авторского проекта «Диалог: польско-советские диссидентские и культурные связи и взаимовлияния».

Июньские рабочие волнения 1956 г. в Познани, появление на польской политической сцене Владислава Гомулки, октябрьский пленум ЦК ПОРП, развитие польского ревизионизма, расцвет польской прессы и кино — все события польской истории 1950–1960-х годов имели особое значение для определенной части оппозиционно настроенной интеллигенции в бывшем СССР и эволюции ее взглядов в отношении собственно российской действительности.

Мифология Польши как инициатора ревизии социализма и центра либеральных идей внутри советского блока — по нашему мнению, одна из важных составляющих общественного сознания второй половины 50-х годов, оказавших влияние на развитие независимой мысли в СССР.

*

Ирэна Вербловская: В середине 50-х угол Невского проспекта и улицы Бродского, рядом с гостиницей «Европейская», стал очень важным местом. Человек двадцать-тридцать там ежедневно стояли в очереди в газетный киоск, дожидаясь, когда подвезут прессу соцстран. Расхватывали кто какие. Вначале совершенно не брали венгерских газет по причине незнания языка, но наступил октябрь 1956-го, и венгерские тоже стали разбирать. А в ближайшем сквере на площади Искусств их разворачивали и «соображали на троих» — кто сколько слов знал, и так переводили, — совершенно незнакомые друг другу люди. Я не могу сказать, что все подряд читали польские газеты, такого не было. Но мы очень жарко обсуждали все, что там происходило.

Мы успели выпустить шесть или семь номеров «Информации». С польского большинство переводов делала я, некоторые — Эрнст Орловский и даже сам Револют Пименов. Размножали их на печатной машинке. В них были различные сведения и

факты, о которых умалчивали советские средства информации. И польская пресса была для нас одним из самых важных источников. Польский язык я начала учить задолго до этого, когда в университете выбрала себе специализацию по истории польского рабочего движения. Я довольно хорошо знала историю Польши, всегда ею интересовалась.

Нина Катерли: Мне запомнились те события, которые предшествовали венгерским событиям 1956 года, когда в Польше начали делать «социализм с человеческим лицом». Но быстренько это было все задавлено. (...) Но я тогда как-то в этом участия никакого не принимала, то есть не пришлось мне ни подписать какого-то письма или чего-то сделать. Польскую прессу я не читала. Желание выучить польский было (все-таки моя мать, Елена Катерли, — поляк: ее отец, мой дед, — поляк), но дальше этого желания дело так и не пошло.

Рудольф Борецкий: Если посмотреть на польскую послевоенную историю, то очень важным фактором было то, что, пожалуй, она единственная из так называемого соцлагеря не поддавалась повальной коллективизации. (...) Польский крестьянин не позволил себя загнать в концлагерь колхозов, и в Польше осталось почти на 90% индивидуальное частное сельское хозяйство. Это была огромная победа в 1940-е годы. Потом познанские события 1956-го — первый звонок, который показал, что могут поляки. Для меня 1956 год еще не был как-то значим, потому что в то время я был еще ребенок, слишком молод и зелен для того, чтобы как-то это через себя пропустить, прочувствовать. Но вот все последующее в 70-е было уже серьезно и значимо.

Юлий Ким: В 56-м, нет, я не помню какого-то особого интереса к событиям в Польше. Я помню, что сначала мне очень нравился Гомулка. Понятно, что он нравился на фоне — на фоне наших ветеранов мавзолея и на фоне Берута. Конечно, он смотрелся либеральнее. А потом разонравился. Когда я узнал, что он охотно согласился с гонениями на евреев в Польше, его обаяние померкло.

Кронид Любарский: Начиная с 1956 года я воспринимал эти события так же, как любой средне интеллигентный, либерально настроенный человек. Ясно, что с сочувствием, ясно, что с поддержкой. Ясно, что волновало, выйдет или не выйдет. Но не более того. (...) Всем нам 1956 год запомнился Венгрией скорее, а не Польшей. Как-то Польша была довольно маргинальна. Тем более что информации было очень мало. Тогда еще советская была информация. Но настоящим шоком, настоящим ударом были события венгерские, безусловно.

Многие читали польскую прессу, но я по-польски не читаю. В июне 1956 года я окончил Московский университет, три месяца пробыл в том городе, где я жил [в Симферополе], а в сентябре уехал на работу в Ашхабад. В Ашхабаде уже польская пресса была недоступна. Она была только в Москве доступна, и то с трудом, она не лежала буквально на каждом углу. А уж в провинции ее было вообще не достать. (...)

Не помню никакого очарования Гомулкой. Ну да, какой-то чуть более либеральный. Вообще любая перемена всегда хороша. Но очарование им, по-моему, относится к разряду легенд.

Лев Краснопевцев: Летом 1956 г. мы отправились с большой группой студентов убирать урожай пшеницы в Казахстане. И тут произошли все эти события в Познани. Но о них информация была лишь самая официальная. Правда, после познанских событий произошло изменение в руководстве.

Пришел Охаб, была такая промежуточная фигура. Летом в Венгрии и Польше после XX съезда обстановка становилась все более накаленной, и в партии пытались как-то ее снизить, убрали старых секретарей. Ракоши был убран в Венгрии, и на его место пришел некий Гере. А Имре Надь стал председателем совета министров. И такое же обновление было произведено в Польше. Циранкевич остался, а вот первым секретарем стал Охаб. Это довольно бледная, такая центристская фигура. Он пытался как-то овладеть положением и что-то изменить в Польше, но положение накалялось, и в сентябре, по-моему, все это дело взорвалось, вспыхнуло, и произошел пленум знаменитый, — или все-таки в октябре, в начале октября, — который вернул Гомулку в ЦК, Зенона Клишко в профсоюзы. Спыхальский вернул в свои руки армию. Полетел Берман, полетел Минц из промышленности. И кто-то там еще из гомулковцев занял эти ключевые посты в руководстве экономикой. Новак куда-то вылетел, конечно. Хотя там было два Новака, один из них остался. В общем, произошли вот эти бурные события. И, естественно, все мы были очень рады. Гомулка вернулся почти из тюремной камеры или прямо из тюремной камеры. Все понадеялись, что случившееся не прошло ему даром, что он многое изменил в своих взглядах, в своих настроениях (Польша, насколько я понял по беседам с [Элигиушем] Лясотой, была в восторге от Гомулки еще летом 57-го). Потом произошли известные венгерские события, которые поставили перед нами всеми вопрос очень круто. Когда стало ясно, что пролилась кровь, что наша армия раздавила национальное выступление, мирное совершенно, национальное выступление венгерских демократов, раздавила

традиционным, самым зверским, кровавым образом, то после этого мы не могли, конечно, оставаться, сохранить свое старое положение в существующей системе. Нашим иллюзиям пришел конец. Я тогда отказался от всякого продолжения своей комсомольской деятельности.

Александр Лавут: С 56-го я регулярно читал польские газеты. В то время там была большая заварушка, в результате которой пришел к власти Гомулка, — первое очень заметное обновление в соцстранах, многое там стало другим. Особенно это было видно по газетам. Я стал выписывать и читать их, вначале — что попало, а потом уже регулярно читал «Политику». Из разных публикаций знал, что одним из самых популярных изданий был журнал «По просту», но его здесь не было, да и просуществовал он очень недолго: либеральный по меркам того времени Гомулка его быстро закрыл. А «Политика» хотя и была партийной газетой — ее издателем считался ЦК ПОРП, — но с очень широкой информацией и свободой изложения, сравнимой с нашими изданиями 1987 года. Читая, я начал понимать и устную речь. И потом уже все время старался следить за тем, что происходило в Польше.

Массового интереса к польским событиям 1956 г., тем более массовой полонофилии, в то время я не наблюдал. Круг интересующихся был достаточно узким — в основном интеллигенция. Их радовали те изменения, которые происходили в Польше, Венгрии, позже в Чехословакии. В подцензурной литературе и публицистике в то время польская тема не могла найти адекватного отражения, а самиздата почти не существовало.

Борис Пустынцев: Это было невероятно интересно. Практически мы знали, стремились знать всё о тех событиях, пристально следили за ними. Это казалось началом трансформации большевистского режима. Польша всегда была оплотом оппозиции русскому режиму: и до большевизма, и после. Сравнительно большая страна с развитой культурой, не Болгария и не Венгрия по масштабу, такой перекресток Европы — Восток—Запад. А в 56-м Польша воспринималась как островок если не свободы, то полусвободы. Не политической — политические различия были незначительны между нашим режимом и польским, по сути это было одно и то же. Но атмосфера в обществе, этот вольный дух, присущий Польше, заражали и притягивали.

Мы прекрасно знали польскую историю. Отношение к Польше, к другим соцстранам — это, по-моему, очень важная составляющая часть мироощущения человека. Имперский

период я перерос, когда мне было лет 14–15. Годы через два я совершенно серьезно воспринимал лозунг «За нашу и вашу свободу», понимал, что мы делаем одно общее дело — их оппозиция режиму и наша. Борьба Армии Крайовой с советской оккупационной армией для некоторых из нас, для меня в частности, была примером, моделью. Я постоянно слушал Би-Би-Си на английском и всю ситуацию искренне воспринимал с подачи Лондона. Я был белой вороной среди своих приятелей, ориентированных на прогрессивную модель социализма, потому что мне было интересно все, что касалось польского правительства в Лондоне, армии Андерса, гражданской войны в Польше после 1944 года. Я проникся польским духом сопротивления, у меня был мощный комплекс вины уже тогда, не только перед поляками, но и перед другими народами, которым мы учинили столько кривды. Он основывался главным образом на знании истории: я знал, что эти страны оккупированы моей армией. Нет, я не считал ее своей, я всегда говорил «они», а не «мы». Но я ведь не выступал против этого — значит, был соучастником.

Тем летом события в Познани стали импульсом, каким-то поворотным моментом для меня и моих друзей. Они показывали, что нынешний режим не навек: в цитадели появились трещины — значит, можно пытаться расширять их, ломать ее дальше. Мы решили тогда, что надо пытаться что-то сделать. В наши 20 лет это выглядело вполне естественно: казалось, всё можно изменить. Правда, быстро пришло понимание того, что мы в этой стране совершенно одиноки.

Владимир Гершуни: Очень важными для меня были встречи с поляками в лагере. Среди них встречались такие, кто в полной мере соответствовал выражению «гордый поляк».

Независимые, с развитым, не сравнимым с нашим, чувством собственного достоинства. Там были разные люди, из разных сословий и поколений, но всех отличало чувство собственного достоинства и способность до конца сопротивляться.

Освободился я в 1955-м. Когда через год в Польше началась революция, я был внутренне совершенно готов к этому, я как будто бы ждал чего-нибудь подобного именно от поляков. В тот год родилась острота, потом применяемая и к другим странам восточного блока: «Польский барак — самый веселый в нашем лагере». Очень воодушевляли художественные выставки, где поляки первыми стали выделяться своим авангардом. Мы сразу почувствовали: жизнь там пошла веселее, чем у нас. Хотя очень быстро начался откат, Гомулка дал погулять всего несколько месяцев. Я помню его слова: «Пора за работу, хватит

митинговать». Рассказывали, что он не любил театра, плевался и чертыхался, когда бывал на спектаклях. Это был тупой, черствый функционер, замкнутый в партийных делах, интригах и дразгах, совершенно чуждый культуре. Он очень напоминал этим Никиту. Тем не менее именно со стороны Польши в то время мы получали не только информацию о последних художественных течениях, но и наглядные примеры развития современного искусства.

Сергей Ханженков: В 56-м моим родителям разрешили выехать с Колымы «на материк». Наша семья обосновалась в Минске. Тогда я уже был законченным антисоветчиком. Открытое сопротивление коммунистической системе, к которому меня влекло, казалось еще чем-то немислимым, просто самоубийством. Но уже не привлекали те формы скрытого противостояния, которые появились после «оттепели»: узкие брюки, джаз, кино и другие влияния Запада и Польши в частности. Все это казалось чем-то вроде фиши в кармане, и я смотрел на это несколько свысока. Поэтому польский ревизионизм того времени я не переживал как-то особенно ярко, и те события в Польше не стали значимыми для моей внутренней биографии. Если говорить о Польше, то намного важнее для меня был провал польской кампании Красной Армии в 1920-м. Большевики говорили тогда: «Варшава — Берлин — Париж!..» И тут — на тебе: вся страна поднялась, и армия Тухачевского была разбита — это меня восхищало. Идея «мировой революции» провалилась, и это, бесспорно, заслуга поляков, именно они тогда защитили Европу от коммунистического нашествия. Узнал я об этом достаточно рано. Все было прекрасно описано, хотя и старались многого не говорить: ведь это было крупным военным поражением. А «польский октябрь» был все же по сути попыткой реформировать существующую социалистическую систему, если не считать извечного стремления поляков к независимости.

Николай Обушков: В 1950-е годы горячий интерес к Польше был связан с поисками ответа на вопрос: что и как делать? У поляков мы искали образцов поведения.

Чрезвычайно поучительной была моя поездка в Польшу осенью 1956 года. Я был молод и энергичен, у меня было много интересов. Это был самый канун октябрьских событий в Польше и Венгрии. Я впитывал ту предреволюционную психологическую атмосферу — атмосферу предгрози. Такое я наблюдал впервые. Дело в том, что как аспирант, начинающий научный работник, я очень интересовался июньскими

событиями 1953 г. в Берлине. Но тогда мне еще казалось, что все это — действие «бывших» элементов, продолжение «фашистского похмелья». Так работала пропаганда. Но уже появились сомнения, не было полной уверенности в адекватности официальных советских оценок. Очень смущало активное участие рабочих. И тут вдруг в Польше я увидел совершенно незнакомую мне обстановку... Ведь у нас в Москве это был еще дофестивальный период: боязнь доносов, страх перед любым лишним словом, постоянная оглядка на совершенно реально существовавших тогда, открытых осведомителей — их полно было вокруг нас. А в Польше я увидел, что это уже не работает или на это никто уже не обращает внимания, что люди раскованы, внутренне свободны, вплоть до того, что свободно бросают лозунги, пусть наивные и неглубокие. Это была уже не иллюзия свободы, это были ее первые признаки, заря свободы в обществе. И это очень сильно повлияло на меня. Появилось желание что-то подобное делать, чтобы достичь такого же уровня раскрепощенности общества у нас.

Особенно интересно было узнать, как молодежные группы готовят и разбрасывают листовки, организуют различного рода диспуты, встречи, маленькие митинги — словом, создают брожение в обществе. Я понял, что какие-то радикальные изменения — дело вовсе не легендарное, что это вот тут, в нашей среде, существует. Я увидел носителей этой идеологии, которые участвовали в подготовке революции и не гордились этим, а рассказывали обо всем так просто, как могли бы говорить, например, о том, как танцевали накануне с прелестной девчонкой. И меня всерьез заинтересовало то, как готовились молодыми поляками преобразования в обществе.

В то время я был морально готов вступить в какую-нибудь нелегальную группу или создать ее. Поэтому, когда вернулся, то буквально в течение пары месяцев мы с Краснопевцевым договорились о формировании своей организации. Потом я узнал, что речь шла о моем вхождении в уже реально сложившуюся или складывающуюся группу, а не о ее создании. И мое участие в написании листовки летом 1957 г. было связано не столько с ожиданием каких-то определенных политических сдвигов в нашей стране — я уже не был настолько наивен, — сколько был расчет на то, что наконец начнется что-нибудь подобное тому, что я видел в Польше.

На собраниях нашей группы я рассказывал о программных установках польской партии, о том, как они собираются реформировать польский социализм. Взгляды польских

коммунистов, польский ревизионизм были очень сильным стимулятором нашего духовного развития, формирования нашей идеологии. Мы тогда считали, вслед за Гомулкой, и еще более вслед за радикальными деятелями типа Элигиуша Лясоты, что социализм можно и нужно реформировать, что есть возможности для этого. Пример Польши в 1956 г. был для нас доказательством.

В лагере от желания адаптировать польский опыт к нашим условиям я перешел к разработке какой-то системы взглядов, более ориентированных на ситуацию в нашей стране. Но и тогда их опыт преобразований в экономике, начиная с 1955-го до сегодняшних дней, остался ценным для меня, я часто использую его в своих работах.

Марат Чешков: Для советского студента — а я был обычным, средним советским студентом — проблемы традиций не существовало. Нам, историкам, вроде было бы и важно ее учитывать, но этого не происходило, насколько я могу сейчас реконструировать лично мои взгляды того времени. Мы активно интересовались политикой, были крайне политизированы. Но при чем тут традиции, когда нами владело сознание первопродства, даже первородства? Мы всё начали сначала, мы не знаем, чем это всё может закончиться, как будет развиваться. Да, мы знали о польских восстаниях, декабристах, Герцене. Краснопевцев Ленина сопоставлял с герценовской традицией. Тем не менее для него эталоном оставался Ленин. Традиции оставались в области теоретического знания. Но это не касалось рефлексии. Всерьез к традициям стали обращаться тогда, когда стала более или менее вырисовываться и осознаваться химеричность тех наших марксистских иллюзий.

Учась в аспирантуре на экономическом факультете, я заметил, что в отличие от нашей любви к марксистской теории, умения разбираться в основных догмах, поляки старались отстраняться от этого, как бы не принимали такого теоретизирования всерьез. У нас, лично у меня, на этой почве возник комплекс превосходства. В среде советских ревизионистов он существовал весьма устойчиво и довольно долго. Нам казалось, что мы намного лучше владеем марксистской теорией. Но это вызывало у поляков отнюдь не чувство собственной ущербности, а скорее иронию. Марксистские догмы они тогда не отвергали открыто, но как бы отодвигали их. Вот так: «Не столь уж это важно, в конце концов...» И очень часто уже тогда излагали новейшие западные идеи. Главный их вклад в том, что, оценивая с точки

зрения эмпирической науки и с точки зрения реальности марксистскую истматовскую догматику, они снизили ее теоретический статус. Поляки очень много сделали для развенчания марксистских догм, вплоть до сведения их к идее бесполезности.

Для меня лично было важно развитие польских общественных, социологических наук. Польша выполняла роль не только некоего реле, передатчика западных идей в сфере общественных наук. Они в значительной степени прогрессировали в то время, по сравнению с нашими, и были очень важным источником в моей работе, а я все время занимался развивающимися странами. В каком-то смысле некоторые наши научные работники занимались тем, что перелагали идеи поляков для местного обихода. Многие мои друзья и коллеги по институту в разное время после 1956 г. пропагандировали польский опыт.

Польские события мы очень много и долго обсуждали до ареста и в лагере. Для нас стало очевидным, что сталинская модель социализма не воспроизводится в странах Восточной Европы, а именно в Польше и Венгрии, что она там потерпела поражение, и они будут искать свой, индивидуальный путь. Начиная с 1956 г. Польша интересовала меня в нескольких аспектах. Первый аспект: что вносят польские эксперименты, польский опыт в модель социализма — критика сталинской модели, восприятие и попытка усвоения поляками югославской модели. Мы в то время считали, что именно югославский опыт был модельным.

Помимо внутренних польских преобразований нас интересовало развитие отношений Польши с Советским Союзом. Мы стали осознавать, что имеются основания для постоянно возникающих противоречий и непонимания, что польская сторона, начиная с руководства ПОРП, все чаще открыто выбирает позицию противостояния. Взять хотя бы положение перед октябрьским пленумом 1956 г. и сразу после него. Несмотря на то что отношения Гомулки и Хрущева впоследствии нормализовались, было впервые публично продемонстрировано не просто стремление к независимости, а открытое игнорирование установок Москвы. Это было большой победой Гомулки и необычайно подняло его авторитет в глазах поляков и всех сочувствующих польской революции.

Вадим Козовой: Для определенной части интеллигенции в Советском Союзе Польша с 1955–1956 гг. служила мостом в Европу, в европейскую культуру, начиная с культуры самой отвлеченной, культуры идей, вплоть до политической

культуры. То, что было запрещено или не допускалось советской цензурой, доходило до нас в Москве через Польшу, через польские книги, журналы, кино и театр. Все это было на польском языке, с польскими акцентами и нюансами. И так получилось, потому что поляки добились сохранения относительной свободы в области культуры даже в период сталинского режима.

Нечто подобное происходило и в Венгрии, что-то там тоже печаталось, несомненно. Но, думаю, будет довольно трудно найти кого-нибудь в бывшем Союзе, кто бы впитывал все это в венгерской интерпретации.

Если говорить о кино, то в польском кино 50-х годов есть примеры подлинного искусства. «Канал» Вайды я впервые увидел в лагере — очень трагический, прекрасный фильм. Позднее в лагере нам показали фильм Ежи Пассендорфера «Покушение» — очень хороший фильм, снят в строгой, документальной манере. Уже тогда поляки умели делать отличное кино. В их фильмах остро и трагически был изображен конец целой эпохи, границей которой и стал, на мой взгляд, 1956 год.

В польских журналах я впервые прочитал многие философские труды, новейшие произведения западной литературы, стихи и романы, Фолкнера к примеру. Этого я не забуду полякам — в хорошем смысле, я им многим обязан. Я не просто следил тогда за развитием польской общественной жизни, культуры в особенности, — это было частью моего существования.

Эрнст Орловский: Именно к культуре — музыке, живописи, архитектуре — у меня интерес был небольшой. Не только польское искусство меня не интересовало, но и русское. Честно. На польское кино я, конечно, ходил, фильмы Вайды очень люблю. Но, скажем, намного важнее того же фильма «Пепел и алмаз» для меня была книга Анджеевского, которую я прочитал гораздо раньше... Вот книги — да! Совершенным потрясением для меня стало в 1956 г. заглавие одной польской книги, которую я увидел и сразу же купил: «Обзор боевых операций Войска Польского в 1946–1949 гг.». У нас никогда не бывало подобных книг.

Я старался следить за развитием польской литературы постоянно. Очень гордился, когда кроме газет смог осилить первую книгу на польском. Это был один из детективов Збигнева Ненацкого. Я стал выписывать журнал «Новые польские книги» (он выходил на русском языке), чтобы быть в курсе всех новинок. В журнале «Польша» тогда был

опубликован отрывок из романа Казимежа Брандыса «Мать Крулей». Эту книгу я считаю особенно важной, просто необходимо перевести ее на русский. Это одна из немногих книг, где глубоко, талантливо изображена психология если не прямых виновников, то соучастников репрессий — партийных работников, авторов доносов и так далее. С тех пор Брандыс, скажу вам, важен для меня ничуть не меньше Льва Толстого. К ним двоим я обращаюсь постоянно. До сих пор мне кажется, что польская литература во многом глубже нашей с психологической стороны, там чаще и больше затрагиваются рефлексия, осмысление прошлого и настоящего. Мне очень много дали польские художественные, исторические и юридические источники.

Юрий Левин: Мои листовки назывались «Палачи из ЦК КПСС преподнесли себе достойный подарок». Сделал я их к «дню 39-й годовщины торжества палачей» [распространялись в Ленинграде 7-8 ноября 1956 года]. Прежде всего, в них шла речь о событиях в Венгрии. Но там была и такая фраза: «Кремлевские коммунистические вожди лили и продолжают лить кровь русского, польского, венгерского, румынского и других народов». Что значило для меня выражение «кровь польского народа»? Взять хотя бы события 1939-1940 гг., когда советские и германские войска разделили Польшу, когда советские войска захватили в плен значительную часть польского офицерства, а потом Сталин дал указание уничтожить этот цвет польского офицерства. Кроме того, я знал, что во время Варшавского восстания сталинское руководство не предприняло никаких мер в поддержку, а дождалось, пока гитлеровцы разгромят его. Хотя советские войска находились очень близко от Варшавы. Это я знал из передач Би-Би-Си например — от других источников мы были изолированы. Эту информацию приходилось принимать сквозь глушилки. Или вот по радио «Свободная Россия» — это радио НТС, оно, уходя от глушилок, меняло волну. Приходилось подстраиваться, искать. (...) Я записывал передачи Би-Би-Си и «Свободной России» на магнитофонной приставке, потом расшифровывал. Несколько тетрадей с расшифровками этих передач стали следующим пунктом обвинения после листовок. (...)

Единство польского народа проявилось в 1956 году в восстановлении демократических норм. Выступали журналисты против цензуры. В Польше возродилась адвокатура. Раньше политические процессы проходили за закрытыми дверями, а тут появилась гласность. Даже польские чекисты выступили за независимость от КГБ СССР. Это

отмечалось в зарубежных передачах в 1956 г. после выступления Гомулки. То есть все то, что у нас появилось намного позже, в конце 1980-х годов. И уже можно было на следствии ссылаться в разговоре с прокурором на то, что в социалистической стране есть свобода слова, нет цензуры, там информация свободно распространяется, а у нас... (смеется). На это мне было сказано: «Одно дело Польша, а другое дело — Советский Союз». Меня арестовали 26 декабря 1956 г., в день рождения Мао Цзэдуна, как сейчас помню. Допросы шли в январе 1957 года.

Ирэна Вербловская: Начиная с 1956 г. Польша была одинаково важна для филармонических девочек и джазовых мальчиков, для марксистов и антикоммунистов, для достаточно большой части советской интеллигенции разных поколений. Почему все, что происходило у них тогда и потом, находило здесь такой живой отклик? Может быть, потому, что поляки все же очень близки нам. Они свои, наши, в отличие от чехов или венгров. С ними у нас была общая история, совместный опыт. А совместный опыт, как я думаю, пусть даже отрицательный и самый страшный, — людей не разъединяет. И пример тому — лагерь. А чужой опыт остается чужим...

Как бы там ни было, они продолжали и после своего «октября» сидеть под нашим кулаком — все равно все дирижировалось Москвой. Они всегда безумно нас боялись и не любили. Очень боялись и очень не любили. Сколько поляков прошло через наши лагеря!.. Как им не бояться?.. Наши отношения не взаимоадекватны: у них нет оснований для любви к нам. Они симпатизируют только тем из нас, кто определенным образом демократически настроен, с теми они могут искать общее. Но, к сожалению, те, кто демократически настроен, никогда не делали музыку в нашей стране. Демократы здесь играют под сурдинку... Плохо у нас с комплексом вины. У русских вообще плохо с комплексом вины. По отношению ко всем, начиная с самих себя...

Польша всегда имела для нас особое значение, потому что это была связующая нить, которая тянула нас к Западу. Какие бы катаклизмы ни возникали, то, что там происходило, было для нас чем-то вроде зеркала, зачастую мучительного, — мы наблюдали и начинали проецировать: а вот у нас могло бы быть так? Независимо от границ, а в зависимости от разных этапов политической истории ближнезападное, польское влияние было сильнее, чем какое-либо другое. Между Россией и Польшей происходит значительная диффузия. В особенности в момент, когда появляются оттепельные симптомы и

тоталитарный режим немножко отступает, мы лучше, полнее воспринимаем. В 56-м она стала для нас окошечком, калиточкой, каким-то глазочком... Да, впервые оттуда мы о многом узнали, многое увидели. Нам казалось, что многое из опыта их преобразований можно и у нас претворить, нам хотелось этого. Польша была каким-то подобием модели. Мне приходит на ум кокетливое сравнение: Польша была моделью такого прекрасного платья, которое я, конечно, никогда на себя не надену, но как же оно замечательно!..

Биографические справки:

Борецкий Рудольф Андреевич (р.1930), журналист, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики МГУ, многолетний собственный корреспондент российских СМИ в Польше. Живет в Москве.

Вербловская Ирэна Савельевна, (р.1932), историк, экскурсовод. Арестована в Ленинграде в марте 1957 г. по делу группы своего мужа Револьта Пименова. Приговорена к 5 годам лагеря по ст.58-10 УК РСФСР за участие в антисоветской группе, изготовление и распространение антисоветских материалов. Живет в Санкт-Петербурге.

Гершуни Владимир Львович (1930-1994), трижды арестован: в 1949, 1969 и 1983 г., судимости по политическим статьям, сроки отбывал первый раз в лагерях, последние два — в спецпсихбольницах. Жил в Москве. Писал стихи, занимался правозащитной деятельностью.

Катерли (Эфрос) Нина Семеновна (р. 1934), литератор, писатель-фантаст. Живет в Санкт-Петербурге.

Ким Юлий Черсанович (р.1936), учитель русского языка и литературы, поэт, драматург, бард, активный участник правозащитного движения (1966-1968). Живет в Москве.

Козовой Вадим Маркович (1937-2001), поэт, переводчик французской поэзии, до ареста — студент IV курса исторического факультета МГУ. Арестован в Москве в августе 1957 г. по делу группы Краснопевцева. Осужден по ст. 58-10, 58-11 на 8 лет лагеря.

Краснопевцев Лев Николаевич (р.1929) историк, основатель подпольной марксистской группы, политзаключенный (1957-1967). Живет в Москве. Интервью записано в Москве в 1992 году.

Лавут Александр Павлович (р. 1929), математик, правозащитник, член Московской Хельсинкской группы.

Арестован в апреле 1980 г., осужден по ст. 190-1 за изготовление и распространение правозащитных документов на 3 года лагеря, повторно в 1983 г. осужден по той же статье за антисоветскую агитацию среди заключенных на 5 лет ссылки. Живет в Москве.

Левин Юрий Леонидович (р. 1938), инженер, в 1955 г. создал подпольную организацию «Молодая Россия», вступил в Народно-трудовой союз, распространял листовки НТС, призывавшие выходить на демонстрацию с лозунгами протеста против ввода войск в Будапешт, в заключении в 1956-1964, 1969-1971 гг. Живет в Санкт-Петербурге.

Любарский Кронид Аркадьевич (1934-1996), астрофизик, правозащитник, политзаключенный (1972-1977). С 1977 г. в эмиграции, журналист, издатель и редактор альманаха «Вести из СССР», журнала «Страна и мир». Вернулся в Россию в 1990 г., заместитель главного редактора журнала «Новое время».

Обушенков Николай Григорьевич (р. 1929), историк. Арестован в Москве в августе 1957 г. по делу группы Краснопевцева. Осужден по ст. 58-10, 58-11 на 6 лет лагеря. Живет в Москве.

Орловский Эрнст Семенович (1929-2003), математик, правозащитник. Подвергался допросам, обыскам и вызовам в КГБ по многим политическим делам начиная с дела группы Пименова (1957). Известный правозащитник-законник, помогал многим составлять жалобы и апелляции, консультировал перед допросами в КГБ.

Пустынцев Борис Павлович, родился во Владивостоке в 1935 году. Переводчик, режиссер дубляжа. Арестован в Ленинграде в мае 1957 г. за участие в антисоветской группе Виктора Трофимова и выпуск листовки в поддержку восстания в Будапеште. Осужден по ст. 58-10, 58-11 на 10 лет лагеря. Живет в Санкт-Петербурге.

Ханженков Сергей Николаевич родился в лагерном поселке Усть-Утиный Магаданской области в 1942 году. Инженер. Арестован весной 1963 г. в Минске. Осужден на 10 лет лагеря по ст. 69, 65 и 67 ч.1 УК БССР за антисоветскую деятельность, создание антисоветской организации и диверсию — подготовку взрыва глушителя одной из минских радиостанций. Живет в Минске.

Чешков Марат Александрович, родился в Москве в 1932 году. Историк. Арестован в сентябре 1957 г. по делу группы

Краснопевцева. Осужден по ст. 58-10, 58-11 на 8 лет лишения свободы. Живет в Москве.

ПОЗНАНСКИЙ ИЮНЬ 1956 года

50 лет назад, 28 июня 1956 г., рабочие вышли на улицы Познани. Причин протеста было несколько. С одной стороны, люди протестовали против все ухудшавшегося материального положения масс. Вместо обещанного коммунистической партией роста благосостояния шестилетний план (1950-1955) привел к обнищанию большинства населения. Несмотря на повышение трудовых норм реальная зарплата уменьшилась, не хватало основных товаров, квартир, коммунальные услуги находились в ужасающем состоянии. Отсутствие реформ и крайне бюрократические методы управления не давали надежд на лучшее.

Второй причиной протеста стала политическая ситуация в стране. После XX съезда КПСС, ставшего первой попыткой осудить сталинизм, в Польше поднялась волна критики “ошибок и перегибов”, направленная прежде всего против всемогущества компартии и госбезопасности. Люди все громче требовали демократии в политике, общественной и экономической жизни. Свое осуждение политики коммунистических властей интеллигенция выражала пером и словом, а рабочие — митингами, уличными демонстрациями и забастовками.

И именно Познань стала ареной самого массового протеста. Рабочим придавал смелости тот факт, что в Познани проходила Международная ярмарка, на которую съехалось множество иностранных гостей. Демонстранты рассчитывали, что в присутствии такого количества иностранцев власти не решатся на жестокую расправу. Первым выступил коллектив одного из крупнейших польских предприятий — машиностроительного комбината им. Цегельского. Вскоре к рабочим “Цегельского” присоединились работники других познанских предприятий. В общей сложности в митингах и демонстрациях участвовало около 100 тыс. человек. Сначала митинг прошел перед зданием городских властей, затем перед тюрьмой и наконец перед зданием управления госбезопасности. Дело дошло до перестрелки (демонстранты раздобыли несколько десятков единиц оружия). Бои продолжались сутки. Погибли 57 человек, 60 были ранены. В конце концов с демонстрантами расправились части внутренних войск. Сотни человек были арестованы и

подверглись жестоким допросам. Многих судили в ускоренном порядке.

Власти пытались замолчать познанские события, затыкая рот польским СМИ. Не получилось. Весть о восстании разошлась по Польше и по всему миру — в частности, благодаря свидетельствам иностранных журналистов и коммерсантов, участвовавших в Международной познанской ярмарке.

И хотя познанское восстание было подавлено, оно положило начало политической “оттепели”, названной впоследствии “польским октябрём”.

За несколько дней до начала восстания выдающийся польский писатель и публицист Павел Ясеница написал репортаж с ярмарки, в котором обратил внимание на растущее недовольство поляков экономической ситуацией в стране — оно-то и стало одной из причин мятежа.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• “1 мая исполнится два года со дня расширения Евросоюза. В связи с этим центр изучения общественного мнения ГфК проверил, на что надеются и чего опасаются общества десяти стран, вступивших в ЕС в 2004 году. Неожиданно оказалось, что поляки вовсе не самые недовольные: население Словакии и Латвии видит действительность в еще более черном свете. Поляки, как и другие, ценят тот факт, что 15 старых членов ЕС открывают для нас (пусть даже постепенно) свои рынки труда (...) В то же время мы опасаемся потерять работу у себя на родине. Больше всего распространен страх, связанный с ожидаемым повышением цен (...) Значительная часть опрошенных ожидает также снижения уровня жизни. Неизменно критически оценивается (и в этом мы не исключение) служба здравоохранения” (“Жечпосполита”, 21 марта)

• По данным Главного статистического управления (ГСУ), “за первые два месяца текущего года объем розничных продаж увеличился на 9,6%, а в промышленности — на 10,3%. Инфляция продолжает оставаться низкой — в феврале она составила только 0,7%. Приблизительно на столько же поднялись цены производителей. Правда, безработица до сих пор держится на уровне 18% — таком же, как в январе, — но в течение года занятость на предприятиях увеличилась на 116 тыс. рабочих мест, а реальная средняя зарплата была на 2,9% выше, чем годом раньше”. (“Жечпосполита”, 24 марта)

• “Почти две трети опрошенных (64%) обращают внимание на отечественное происхождение покупаемых товаров. Чаще всего это случается при покупке продуктов питания, хотя мы охотно приобретаем также польские лекарства и косметику (...) Рост покупательского патриотизма, называемого на профессиональном языке потребительским этноцентризмом, — это верный признак роста благосостояния (...) Снобизм, велевший покупать заграничные марки, заметно уменьшился”. (Анита Блащак, “Жечпосполита”, 30 марта)

• “Прошло менее двух лет с тех пор, как ирландский рынок труда открылся для поляков, а их приехало уже больше 120 тысяч. Они стали самой многочисленной группой иностранцев: в Дублине они составляют 10% населения. [Президент Ирландии]

Мэри Макалис [говорит]: “Приехавшие в Ирландию поляки делают честь своей родине: они прекрасно образованы, трудолюбивы и смелы. Пусть их будет как можно больше””. (“Жечпосполита”, 4 апр.)

- “Работать за границу уехали уже 18 тыс. врачей и несколько тысяч медсестер”. (Первая программа Польского радио, 7 апр.)

- “Гданьская судовой верфь — не единственное место в Польше, где работают невольники из [Северной] Кореи. Только в Поморском воеводстве сварщики, присылаемые пхеньянским режимом, работают в шести крупных фирмах”. (“Газета wyborcza”, 24 марта)

- На вопрос института “Пентор”: “Кто на самом деле правит Польшей?” — 56% опрошенных ответили: избранные в результате свободных выборов политики; 36% — большой бизнес; 21% — СМИ; 15% — международный капитал; 13% — люди с пээнэровским прошлым; 9% — евреи; 8% — спецслужбы. (“Впрост”, 2 апр.)

- Согласно опросу ЦИОМа, действия президента Леха Качинского положительно оценивает 41% поляков, а отрицательно — 37%. В случае Сейма эти цифры составляют соответственно 25 и 62%. (“Жечпосполита”, 21 марта)

- “По случаю приближающегося праздника Пасхи президент Лех Качинский впервые прибыл в Ирак. Он пожелал посетить наш военный контингент, участвующий в стабилизационной миссии”. (“Жечпосполита”, 7 апр.)

- “В июне министерство национальной обороны отправит в Конго в пять раз больше солдат, чем было запланировано (...) В Африке они будут поддерживать порядок во время выборов (...) За границей служит в общей сложности 2,2 тыс. польских солдат. Больше всего (почти 900) — в Ираке. В Ливане и Сирии в составе войск ООН служит около 600 поляков. Контингенты в Косове и Боснии насчитывают в общей сложности 600 человек. В Афганистане дислоцируются 105 военных (этот контингент будет увеличиваться). Самый малочисленный контингент находится в Литве, где служат 70 солдат и офицеров ВВС”. (“Жечпосполита”, 29 марта)

- “В полночь с пятницы на субботу четыре польских МиГ-29 закончили свое трехмесячное дежурство в небе над Литвой, Латвией и Эстонией (...) По словам литовского министра обороны Гедиминаса Киркиласа, миссия контингента “Орлик” (под таким названием была известна в широких кругах польская

патрульная миссия в небе над тремя странами) прошла лучше всех предыдущих. Неофициально мы узнали, что за время польского дежурства не было ни одного случая нарушения воздушного пространства российскими самолетами, хотя во время предыдущих дежурств американцев, голландцев и немцев это случалось регулярно”. (“Газета wyborча”, 1-2 апр.)

- “Войцех Ярузельский награжден Крестом Сибирских ссыльных (...) “Я рад, что президент оказался выше разделяющих нас противоречий”, — сказал Ярузельский (...) Крест Сибирских ссыльных был учрежден для награждения поляков, депортированных в Сибирь, Казахстан и на север России в 1939-1956 гг., за их мученичество и верность идеалам свободы и независимости”. (“Жечпосполита”, 29 марта)

- “Войцех Ярузельский вернул президенту Леху Качинскому Крест Сибирских ссыльных и удостоверение к нему. “Я узнал, что подпись на врученном мне удостоверении оказалась там без Вашего ведома и вопреки Вашей воле, — написал Ярузельский в письме президенту. — Искренне сожалею, что возникшая ситуация могла причинить Вам неприятность” (...) “Президент с пониманием отнесся к решению генерала Ярузельского, и таким образом инцидент можно считать исчерпанным”, — заявил начальник Канцелярии президента Анджей Урбанский”. (“Жечпосполита”, 31 марта)

- “В 1940 году генерал [Ярузельский] был сослан вместе с семьей в Алтайский край, где работал на лесоповале”. (“Газета wyborча”, 31 марта)

- Архиепископ Тадеуш Гоцловский: “Хоть я и не испытываю симпатии к господину Ярузельскому, мне кажется, что он поступил благородно, достойно. Хорошо, что он отдал [орден] и не желает иметь с этим ничего общего”. (“Газета wyborча”, 1-2 апр.)

- “В пятницу премьер-министр Казимеж Марцинкевич отправил в отставку Яна Турского, возглавлявшего Управление по делам ветеранов и репрессированных. Именно из этого управления поступило предложение наградить генерала Ярузельского Крестом Сибирских ссыльных”. (“Жечпосполита”, 1-2 апр.)

- “5 апреля 1989 г. завершились заседания “круглого стола”. Сегодня легко критиковать принятые тогда решения, но не будем забывать, что 17 лет назад на территории Польши стояли советские войска, которые вовсе не собирались оттуда уходить (...) Потом была “бархатная революция”, распад советского блока и в конце концов самой империи. Этот процесс начался именно

тогда, за круглым столом”. (Мацей Росоляк, “Жечпосполита”, 5 апр.)

- “Институт национальной памяти (ИНП) обвинил генерала Войцеха Ярузельского в коммунистическом преступлении — руководстве вооруженной преступной организацией. Кроме того Ярузельский обвиняется в том, что 13 декабря 1981 г. он подстрекал членов Государственного совета ПНР (который формально ввел военное положение) к превышению полномочий путем принятия декретов о военном положении, датированных 12 декабря, — во время сессии Сейма ПНР и вопреки конституции”. (“Тыгодник повсехный”, 9 апр.)

- ““Иногда отсутствие милосердия причиняет острую боль. Людей (за исключением разве что циников) нельзя преследовать за ошибки, исправленные историей”, — сказал примас Польши кардинал Юзеф Глемп в проповеди во время литургии на варшавской площади Юзефа Пилсудского, где в 1979 г. Иоанн Павел II (...) произнес исторические слова: “Да снизойдет Дух Твой и обновит лицо земли! Этой земли!”” (“Газета wyborcza”, 3 апр.)

- “На стене дома №2 по ул. Сверща во Влохах [район Варшавы] установлена мемориальная доска в память о жертвах коммунистических репрессий, сидевших в подвалах этого здания в 1945 году (...) В этом же доме находился кабинет печально известного генерала НКВД Ивана Серова (...) Мрачная история раскрылась лишь в 90-х годах, после того как здание было возвращено частным владельцам, которые обнаружили на стенах подвала нацарапанные узниками надписи. О своей находке они сообщили в ИНП”. (“Газета wyborcza”, 29 марта)

- “Не может быть безопасной и зажиточной Польши, если нет безопасной и зажиточной России. Сдвинутая на обочину или сама отталкивающая других, закрытая для мира, нестабильная, сотрясаемая внутренними конфликтами Россия смертельно опасна для Польши. Политика, направленная против демократической, богатой, связанной с Европой крепкими культурными, экономическими и политическими узами России была бы для Польши безумной и самоубийственной. Поэтому подозрения, что политическая линия польского государства может быть антироссийской, абсурдны. Россия с крепкой демократией, гражданским обществом и открытой рыночной экономикой — для поляков ничуть не меньшая ценность, чем для граждан России”. (Анджей Йонас, “Одра”, март)

- “Режим Лукашенко усиливает репрессии против поляков. Нападкам подвергаются даже наши дипломаты. Польский МИД

вызвал белорусского посла и приостановил работу польского консульства в Гродно”. (“Жечпосполита”, 28 марта)

- “МИД сообщил, что Польша ввела визовые ограничения для лиц, ответственных за фальсификацию белорусских выборов и репрессии против оппозиции. Кроме того, МИД предложил ЕС тоже ввести визовые санкции по отношению к вышеперечисленным категориям лиц. На европейском форуме МИД будет поддерживать “идею замораживания счетов лиц, ответственных за нарушение элементарных гражданских свобод” в Белоруссии”. (“Газета выборча”, 28 марта)

- “Александра Милинкевича принимали в Польше как главу государства. Утром он беседовал с маршалом Сейма Мареком Юреком и вице-маршалом Брониславом Коморовским. Милинкевич поблагодарил их за поддержку, оказанную поляками белорусской оппозиции (...) Затем (...) его принял президент Лех Качинский (...) Во второй половине дня лидер белорусской оппозиции (...) встретился с депутатами “Права и справедливости” (ПиС) и “Гражданской платформы” (ГП, с которой он подписал декларацию о сотрудничестве), а также с маршалом Сената Богданом Борусевичем (...) Главным результатом визита стало соглашение между правительством и ректорами нескольких польских вузов, благодаря которому еще в этом году 300 белорусских студентов, исключенных за оппозиционную деятельность, получают стипендии в польских учебных заведениях”. (“Жечпосполита”, 31 марта)

- “В пятницу белорусское правительство отозвало своего посла из Варшавы. “Посол Павел Латушко был отозван в Минск на консультации”, — заявил пресс-секретарь белорусского МИДа”. (“Газета выборча”, 1-2 апр.)

- “В ночь со среды на четверг в белостокской больнице умер вице-консул Польши в Гродно Рышард Бадонь-Лер. Две недели назад работники польского консульства нашли 64-летнего дипломата лежащим без сознания в его гродненской квартире. Из местной больницы он был перевезен на скорой помощи в Белосток. Там врачи обнаружили у консула внутричерепную гематому. Несмотря на операцию он так и не пришел в сознание (...) Ушибы указывают на возможность избиения”. (“Газета выборча”, 7 апр.)

- “Вчера белорусские власти неожиданно освободили бывшего посла Польши в Белоруссии Мариуша Машкевича, который был арестован и избит 24 марта в ходе ликвидации в Минске палаточного городка оппозиции (...) Через пять дней после ареста Машкевич был переведен в больницу, откуда после выздоров-

ления должен был вернуться в тюрьму. Однако его выпустили на свободу”. (“Газета wyborcza”, 8–9 апр.)

- “Украина ввела запрет на ввоз польского мяса по настоянию российского правительства. Украина уступила, так как рассчитывает на возобновление своего экспорта в Россию (...) В начале марта прошли российско-украинские переговоры. Вскоре после этого Украина направила в Варшаву предупредительное письмо и не ответила на наше предложение о переговорах. Запрет на экспорт в Россию мяса, сыра и масла слишком важен для Украины, чтобы она не уступила требованиям россиян”. (Кристина Нашковская, “Газета wyborcza”, 28 марта)

- “Уже второй раз со времени своего вступления в должность президент Лех Качинский посетил Украину. В субботу он приехал на несколько часов во Львов, где принял участие в литургии в честь 350-летия обетов короля Яна Казимира, который препоручил занятую шведами Польшу покровительству Богородицы. Выступая в католическом кафедральном соборе, президент выразил надежду на скорое вступление Украины в НАТО, а затем и в Евросоюз”. (“Газета wyborcza”, 3 апр.)

- Из интервью Ярослава Качинского агентству Рейтер: ““Право и справедливость” будет и впредь вести проевропейскую и рыночную политику, даже если придется поделить власть с группировками, которые считаются антиреформаторскими (...) В случае реконструкции правительства курс внешней политики не изменится (...) Не будет такой политики, которая могла бы привести к падению злотаго. Мы не намерены лишать национальный банк самостоятельности, хотя не исключаем некоторого переопределения его задач”. (“Газета wyborcza”, 27 марта)

- “Вопрос досрочных выборов возвращается как бумеранг (...) “Невозможно управлять Польшей, пока продолжается непрекращающийся скандал”, — сказал вчера Ярослав Качинский”. (“Жечпосполита”, 17 марта)

- Ярослав Качинский: “Мы — не антиинтеллигентская партия, но в какой-то момент мы пришли к выводу, что базу для перемен, которые, по нашему мнению, совершенно необходимы, надо искать в другом месте”. (“Политика”, 25 марта)

- “Распался стабилизационный пакт между ПиС, “Самооборонной” и “Лигой польских семей” (ЛПС), [которая] заявила о намерении уйти в оппозицию”. (“Тыгодник повшехный”, 2 апр.)

- “[Досрочных] парламентских выборов в мае не будет (...) Вчера Сейм отклонил предложение ПиС о самороспуске. Для приня-

тия этого предложения не хватило 101 голоса”. (“Жечпосполита”, 7 апр.)

- Согласно опросу ГфК “Полония”, если бы выборы прошли в середине марта, за ГП проголосовали бы 35% избирателей (что дало бы ей 208 мест в Сейме), за партию Ярослава Качинского — 29% (170 мест). Кроме них в Сейм вошли бы еще только две партии: Союз демократических левых сил (СДЛС) с 8% голосов (48 мест) и “Самооборона” с 6% (32 места). Ни ЛПС, ни аграрная партия ПСЛ не преодолели бы пятипроцентный избирательный барьер. За них намерены голосовать по 2% опрошенных. (“Жечпосполита”, 22 марта)

- Из открытого письма, подписанного восемью польскими евродепутатами: “Развернутая коалицией “Права и справедливости”, “Самообороны” и “Лиги польских семей” кампания против Лешека Бальцеровича, в которой принимают участие высшие государственные органы власти, угрожает польской экономике, вредит польской общественной жизни и портит образ Польши в Европе (...) Обнародованная на днях позиция Европейского центробанка стала драматическим откликом на такое положение дел”. (“Жечпосполита”, 15 марта)

- Лешек Бальцерович: “Я говорю прямо, высказывая свое мнение относительно тех начинаний, которые сейчас обсуждаются и ставятся на голосование (...) Я говорю как человек, который уже 17 лет участвует в строительстве правового государства, дающего и защищающего свободу (...) Иногда я говорю эмоционально, так как речь идет об очень важных вещах (...) Предложение создать следственные комиссии — это злоупотребление конституцией (...) В Польше еще никогда никому не приходило в голову создавать следственную комиссию по изучению деятельности Польского национального банка. Такой политики никогда не было ни в одной цивилизованной стране”. (“Газета wyborча”, 16 марта)

- Из открытого письма 66 профессоров экономики со всей Польши: “Мы протестуем против организованной политиками ПиС, ЛПС и “Самообороны” травли независимых банковских институтов и президента ПНБ профессора Лешека Бальцеровича (...) Безосновательные сомнения, которым некоторые партии подвергают законность действий и эффективность польского банковского надзора, подрывают доверие к Польше в ЕС”. (“Газета wyborча”, 18-19 марта)

- “Парламент создал банковскую следственную комиссию (...) “Это хороший день для Польши”, — считает ПиС. “Это покушение на независимость центробанка”, — говорит Лешек Бальце-

рович (...) “Я должен добиться того, чтобы он [Бальцерович] ушел”, — говорит Анджей Леппер”. (“Жечпосполита”, 25-26 марта)

- “Ученый совет Колледжа экономического анализа [Главной торговой школы] выражает глубокую обеспокоенность и решительный протест в связи с политической кампанией против профессора Лешека Бальцеровича (...) Считаем нужным предупредить, что ставить под сомнение независимость ПНБ и банковского надзора — одной из основ банковской системы в современном мире — опасно для функционирования польской экономики (...) Мы возмущены уровнем дискуссии, которая выходит за рамки приличий. Мы хотим, чтобы для наших студентов, как и для нас, слово “парламентский” было синонимом умеренности и элементарной порядочности”. Письмо подписали 29 членов ученого совета. (“Жечпосполита”, 30 марта)

- “Председатель Польского национального банка Лешек Бальцерович стал членом Группы авторитетов Института международных финансов (Group of Trustees, Institute of International Finance), созданной на встрече в Цюрихе”. (“Жечпосполита”, 4 апр.)

- По мнению Ярослава Качинского, “относиться к [Конституционному] суду как “к группе мудрецов, не подлежащих никакой критике” — это просто недоразумение. Председатель ПиС добавил, что состав суда и политические связи судей должны стать предметом открытой дискуссии. Так Качинский отреагировал на отмену Конституционным судом нескольких статей закона, принятого в конце прошлого года голосами ПиС, “Самообороны” и ЛПС”. (“Жечпосполита”, 24 марта)

- “Ни президент, ни премьер, ни маршалы Сейма и Сената не явились на ежегодное собрание судей Конституционного суда, нарушая тем самым двадцатилетнюю традицию. Пресс-секретарь президента заявил, что одной из причин отсутствия Леха Качинского было его критическое отношение к решению суда по дополнениям к закону о СМИ”. (“Тыгодник повсехный”, 16 апр.)

- Министр иностранных дел Стефан Меллер: “Государство, как и человек, переживает потрясения как от слов, так и от действий — или их отсутствия”. (“Жечпосполита”, 1-2 апр.)

- Ярослав Качинский: ““Газета выборча” — это поздняя, мутировавшая форма компартии Польши (...) Чем слабее “Выборча”, тем лучше для Польши”. (“Ньюсуик-Польша”, 26 марта)

- Сначала политики “Права и справедливости” подвергли нападкам юристов, потом хотели создать комиссию Сейма по расследованию деятельности СМИ начиная с 1990 г. и наконец атаковали Бальцеровича. Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, в споре ПиС с юристами 41% поляков поддерживает ПиС, а 30% — юристов; в споре с СМИ 22% считают, что права ПиС, а 52% — что СМИ; в споре с Бальцеровичем ПиС получила 40% поддержки, а Бальцерович — 30%. (“Газета wyborcza”, 16 марта)

- “Профсоюзные активисты “Солидарности” разных уровней шлют премьеру, президенту и министрам письма, в которых сообщают, кто навлек на себя их недовольство и должен быть уволен. Как правило, они добиваются своего (...) Директора предприятий, которым удалось купить расположение профсоюзников, часто стараются получить от них охранные грамоты. Тогда профсоюзники пишут министру: это прекрасный менеджер, он обеспечивает фирме развитие, благодаря ему царит социальное спокойствие и т.п. (...) Этим следует объяснять поразительные зигзаги кадровой политики на государственных предприятиях. Часто люди, которые считаются хорошими менеджерами и могут похвастаться неплохими экономическими показателями, с треском вылетают с работы, а другие, с сомнительной квалификацией, остаются на своих должностях”. (Адам Гжесяк и Рышард Соха, “Политика”, 18 марта)

- Координатор по делам спецслужб Збигнев Вассерман: “В прошлом году по сравнению с 2004-м число подслушивающих устройств, установленных Управлением внутренней безопасности (АВБ), Управлением разведки и Военной информационной службой (ВИС), увеличилось на 20-30%”. (“Газета wyborcza”, 24 марта)

- Тадеуш Мазовецкий, первый некоммунистический премьер-министр Польши (1989-1990): “ПиС хочет иметь не только парламентское большинство, но и влияние на всю публичную жизнь, контролируя те ее сферы, которые в демократии — системе ограниченной власти — находятся вне пределов досягаемости правительства. Это показывает борьба с Конституционным судом и ПНБ”. (“Тыгодник повшехный”, 26 марта)

- Тадеуш Мазовецкий: “Во всех стремительно множащихся сегодня кризисах, начиная со СМИ и кончая банками, мы имеем дело с запугиванием. Оказывается, всегда можно создать следственную комиссию (...) Для судьбы польской демократии необыкновенно важно противодействовать согласию общества со все более низкими стандартами публичной жизни”. (“Газета wyborcza”, 25-26 марта)

• Проф. Норман Дэвис: “В Польше нет недостатка в демократии, понимаемой как институт, но, пожалуй, ей недостает определенной демократической культуры, которая должна проявляться в функционировании институтов. Конечно, демократия может существовать и без культуры — даже на острове людоедов. Его граждане проголосуют за то, чтобы провозгласить людоедство официальным государственным строем, а после выборов правящая партия съест оппозицию. И дело с концом. Этот пример показывает, что политическая культура — не дополнение к демократии, а ее суть”. (“Ньюсуик-Польша”, 9 апр.)

• “Сегодня наше членство в ЕС — это гарантия того, что безумства политиков не будут влиять на экономику. Сложившаяся практика свидетельствует о том, что, несмотря на множество опасений, Пис не желает войны с Брюсселем”. (Павел Яблонский, “Жечпосполита”, 18-19 марта)

• ““Иоанн Павел II напомнил нам слова св. Павла: “Если же друг друга угрызаете и съедаете, берегитесь, чтобы вы не были истреблены друг другом”. Эти слова были произнесены почти 14 лет назад, но и сегодня остаются все так же актуальны. Я напоминаю вам их в канун Великого четверга в контексте завещания Иоанна Павла II с огромной просьбой о примирении и взаимном прощении, повторяя вслед за св. Павлом: “Любовью служите друг другу””, — так завершил свою проповедь кардинал Дзивиш (...) После мессы (...) он объяснил, что этот призыв особенным образом обращен к политикам, ибо “поляки гораздо более едины, чем политики” (...) “Надеюсь, что этот призыв архиепископа Краковского найдет хоть какой-то отклик у наших политиков”, — сказал после мессы президент Лех Качинский”. (“Жечпосполита”, 3 апр.)

• “Несколько сот человек участвовали в воскресенье в Марше памяти в 63-ю годовщину ликвидации краковского гетто (...) Участники марша завершили свой путь на территории бывшего лагеря в Плашове, где они почтили память краковских евреев, уничтоженных нацистами”. (“Жечпосполита”, 13 марта)

• “Белостокский ИНП возбудил дело о преступлении в Вонсоше (...) По свидетельствам очевидцев, ночью 5 июля 1941 г. полтора десятка жителей Вонсоша убили более ста местных евреев”. (“Жечпосполита”, 13 марта)

• “Фонд Рышарда Краузе купил и передал в собственность Краковской архиепархии дом в Вадовице, в котором родился и на протяжении 18 лет жил Кароль Войтыла. В доме, как и прежде, будет находиться музей Иоанна Павла II (...) В 1911 г. двухэтажный дом на Костельной улице в Вадовице купили Розалия и

Иехиель Баламуты. В 1919 г. отец будущего Папы снял у еврейской семьи две комнаты и кухню (...) Иехиеля Баламута, его жену и трех дочерей убили нацисты в лагере Белжец. Из всей семьи выжили только двое детей: Пепа, которая еще до войны уехала в Палестину, и Хаим, который добрался до СССР, попал в лагерь, а в дальнейшем выехал в Израиль (...) В 1999 г. покойного Хаима Баламута вспоминал на вадовицкой Рыночной площади Иоанн Павел II. После этого сын Хаима Рон побывал у Папы в Ватикане. По окончании процесса о наследстве (...) он решил продать дом, в котором с 1984 г. находится папский музей". ("Жечпосполита", 1-2 апр.)

- "Уже 16 лет как мы живем в свободной Польше (...) И вот спустя 16 лет в Польше существует радио "Мария", которое в своих политических программах пропагандирует ксенофобию, шовинизм и антисемитизм (...) Премьер-министр, маршал [Сейма], министры и некоторые депутаты выступают в эфире этой радиостанции, что повышает ее ранг, вызывает к ней доверие и создает впечатление, будто государство солидаризуется с политической линией радио "Мария" (...) Я обращаюсь к Вам, господин премьер-министр и господин маршал, с просьбой предпринять шаги, которые положат конец идеологии, распространяемой радио "Мария" в ее политических передачах, вплоть до закрытия радиостанции (...) чтобы в свободной Польше все граждане, независимо от пола, вероисповедания и национальности, были равны и чувствовали себя как дома, а свобода слова соблюдалась до тех пор, пока она не угрожает демократии. Марек Эдельман". Автор открытого письма — последний оставшийся в живых предводитель восстания в варшавском гетто 1943 года, кавалер ордена Белого Орла. ("Жечпосполита", 6 апр.)

- Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, 70% поляков отрицательно оценивают факт частых выступлений политиков Пис, включая премьер-министра и министров, в эфире радио "Мария". 15% относятся к этому явлению положительно. ("Газета wyborча", 8-9 апр.)

- Из письма председателю Епископской конференции Польши: "Уже долгое время Апостольский Престол пристально наблюдает за деятельностью в Польше радиостанции "Мария" (...) От внимания Апостольского Престола не ускользнуло участие радио "Мария" (...) в политических спорах (...) Поэтому Апостольский Престол настоятельно просит польских епископов согласованными действиями преодолеть нынешние трудности, порожденные некоторыми передачами и взглядами радио "Мария" (...) Передавая эти рекомендации, я убедительно прошу и настаиваю, чтобы Епископская конференция Польши объеди-

нила свои усилия и последовательно выполнила свой пастырский долг (...) подвергая решительной проверке пастырский аспект деятельности этой радиостанции и других связанных с ней средств массовой информации. Юзеф Ковальчик, апостольский нунций”. (“Газета выборча”, 7 апр.)

- “В городах тает снег, из-под которого уже показались нечистоты. Размокшие собачьи кучи лежат на газонах и даже на тротуарах, так что нельзя ни пройти, ни взглянуть. Удастся ли когда-нибудь решить эту омерзительную проблему?” (Агнешка Незгода, “Политика”, 1 апр.)

- “В Польше птичий грипп больше всего коснулся кошек, хотя пока ни одна из них не заразилась вирусом H5N1. Там, где обнаружены очаги болезни, хозяева кошек массово пытаются отдать их в приюты”. (“Ньюсуик-Польша”, 26 марта)

- “В центре Торуня в закрытой клетке на берегу Вислы сидят почти сто лебедей. В стае обнаружен птичий грипп. Ветеринары хотят уничтожить птиц, но лебеди — охраняемый вид. Министерство охраны окружающей среды (...) не знает, как поступить”. (“Политика”, 25 марта)

- “В ночь с понедельника на вторник 32 лебедя, зараженных вирусом птичьего гриппа и изолированных в вольере (...) на берегу Вислы в Торуня, были убиты внутримозговыми инъекциями”. (“Жечпосполита”, 4 апр.)

- “Решение уничтожить лебедей принял главный ветеринарный врач д-р Кшиштоф Яжджевский (...) Министерство охраны окружающей среды не давало согласия на уничтожение стаи. Теперь дело врача разбирает Торунская прокуратура. Проблемы могут возникнуть и у самого министра Яна Шишко, который знал о намерениях ветеринаров (они консультировали с ним свой план), но не сделал ничего, чтобы их остановить”. (“Политика”, 15 апр.)

- Ольга Токарчук, писательница: “Вчера в теленовостях показали маленькие портативные газовые камеры, в которых помещается полтора десятка птиц. “Для каждого хозяйства”, — расхваливал устройства диктор. Есть и камеры побольше — для птицеферм. Одновременно в них можно посадить от нескольких десятков до нескольких сотен птиц. Газовые камеры выглядят как мусорные контейнеры. Птиц бросают туда через расположенное сверху отверстие, потом закрывают клапан и пускают отравляющий газ. В комплекте прилагаются также специальные щипцы, с помощью которых мертвых птиц вынимают, после чего отдадут в утилизацию (...) Проблема животных

выявляет нечто страшное и темное, что таится в глубине человеческого ума, но может в любой момент выйти наружу: отсутствие элементарного сочувствия, бездумную жестокость, самоубийственную уверенность в том, что мы, люди, отделены от других живых существ. Что мы особенные, религиозно и экзистенциально привилегированные”. (“Ньюсуик-Польша”, 19 марта)

- Во вторник 4 апреля на Сальваторском кладбище в Кракове был похоронен Станислав Лем. Перед похоронами священник Ян Анджей Клочовский размышлял: “Я спрашиваю себя, поступаю ли я честно, молясь на похоронах неверующего человека? Честно ли я поступаю в отношении Станислава Лема? Ключ я нашел в стихотворении Тадеуша Ружеви́ча, который говорит: “Неважно, что Ружеви́ч думает о Господе Боге, важно, что Господь Бог думает о Ружеви́че”. Таким образом мы хотим показать Господу Богу все то хорошее, что оставил нам Лем”. (“Газета wyborча”, 5 апр.)

- “Уже 16 лет как мы живем в свободной Польше (...) И вот спустя 16 лет в Польше существует радио “Мария”, которое в своих политических программах пропагандирует ксенофобию, шовинизм и антисемитизм (...) Премьер-министр, маршал [Сейма], министры и некоторые депутаты выступают в эфире этой радиостанции, что повышает ее ранг, вызывает к ней доверие и создает впечатление, будто государство солидаризуется с политической линией радио “Мария” (...) Я обращаюсь к Вам, господин премьер-министр и господин маршал, с просьбой предпринять шаги, которые положат конец идеологии, распространяемой радио “Мария” в ее политических передачах, вплоть до закрытия радиостанции (...) чтобы в свободной Польше все граждане, независимо от пола, вероисповедания и национальности, были равны и чувствовали себя как дома, а свобода слова соблюдалась до тех пор, пока она не угрожает демократии. Марек Эдельман”. Автор открытого письма — последний оставшийся в живых предводитель восстания в варшавском гетто 1943 года, кавалер ордена Белого Орла. (“Жечпосполита”, 6 апр.)

- Согласно опросу Лаборатории социологических исследований, 70% поляков отрицательно оценивают факт частых выступлений политиков Пис, включая премьер-министра и министров, в эфире радио “Мария”. 15% относятся к этому явлению положительно. (“Газета wyborча”, 8-9 апр.)

- Из письма председателю Епископской конференции Польши: “Уже долгое время Апостольский Престол пристально наблюдает за деятельностью в Польше радиостанции “Мария” (...) От внимания Апостольского Престола не ускользнуло участие ра-

дио “Мария” (...) в политических спорах (...) Поэтому Апостольский Престол настоятельно просит польских епископов согласованными действиями преодолеть нынешние трудности, порожденные некоторыми передачами и взглядами радио “Мария” (...) Передавая эти рекомендации, я убедительно прошу и настаиваю, чтобы Епископская конференция Польши объединила свои усилия и последовательно выполнила свой папский долг (...) подвергая решительной проверке папский аспект деятельности этой радиостанции и других связанных с ней средств массовой информации. Юзеф Ковальчик, апостольский нунций”. (“Газета wyborча”, 7 апр.)

- “В городах тает снег, из-под которого уже показались нечистоты. Размокшие собачьи кучи лежат на газонах и даже на тротуарах, так что нельзя ни пройти, ни взглянуть. Удастся ли когда-нибудь решить эту омерзительную проблему?” (Агнешка Незгода, “Политика”, 1 апр.)

- “В Польше птичий грипп больше всего коснулся кошек, хотя пока ни одна из них не заразилась вирусом H5N1. Там, где обнаружены очаги болезни, хозяева кошек массово пытаются отдать их в приюты”. (“Ньюсуик-Польша”, 26 марта)

- “В центре Торуня в закрытой клетке на берегу Вислы сидят почти сто лебедей. В стае обнаружен птичий грипп. Ветеринары хотят уничтожить птиц, но лебеди — охраняемый вид. Министерство охраны окружающей среды (...) не знает, как поступить”. (“Политика”, 25 марта)

- “В ночь с понедельника на вторник 32 лебедя, зараженных вирусом птичьего гриппа и изолированных в вольере (...) на берегу Вислы в Торуня, были убиты внутримозговыми инъекциями”. (“Жечпосполита”, 4 апр.)

- “Решение уничтожить лебедей принял главный ветеринарный врач д-р Кшиштоф Яжджевский (...) Министерство охраны окружающей среды не давало согласия на уничтожение стаи. Теперь дело врача разбирает Торунская прокуратура. Проблемы могут возникнуть и у самого министра Яна Шишко, который знал о намерениях ветеринаров (они консультировали с ним свой план), но не сделал ничего, чтобы их остановить”. (“Политика”, 15 апр.)

ПРОСТИТЬ И ПОЛУЧИТЬ ПРОЩЕНИЕ НЕ ЗНАЧИТ ЗАБЫТЬ

В солнечную майскую субботу в деревню Павлокома в юго-восточной Польше съехались тысячи украинцев с Украины, из Канады и США, а также из разных частей Польши. Польские украинцы представляли население, выселенное в 1947 г. в ходе операции “Висла” на северные и западные земли Польши.

Прибыли президенты Виктор Ющенко и Лех Качинский, греко-и римско-католическое, а также православное духовенство во главе с кардиналом Любомиром Гузаром с Украины, архиепископом Юзефом Михаликом из Польши и польским православным епископом Авелем.

В маленькой деревне у подножья Карпат встретились представители обоих государств, а также церковной иерархии православия и обоих обрядов католичества, чтобы вместе с множеством украинцев и поляков — католиков, униатов и православных — почтить память 266 украинцев, убитых 3 марта 1945 г. одним из отрядов уже распущенной Армии Крайовой в отместку за 11 поляков, похищенных украинским подпольем.

Президенты произнесли речи о “прочном примирении, строящемся на истине”, когда “наши народы показывают всему миру, что нет такого зла в истории, которое нельзя преодолеть”, ибо “перед крестами Павлокомы, так же, как перед крестами Волыни, Подолья и еще многих трагических мест нашего прошлого, мы соединяем память и надежду” (Лех Качинский), не забывая о “тяжелом для десятков тысяч людей пути, который они прошли к этому акту примирения”, пути, озаменованному, в частности, “открытием мемориала Орлят на Лычаковском кладбище во Львове и сегодняшним открытием памятника жертвам”, следовательно, “единственного настоящего пути, который может обеспечить нам перспективы на будущее” (Виктор Ющенко).

Духовенство и миряне на обоих языках пропели молитвы за души погибших. Были прочитаны отрывки из Евангелия о любви к врагам, милосердии и отпущении, чтобы и нам было отпущено.

Я видел слезы тех немногих, кто пережил эту трагедию, слезы родных и потомков погибших.

Я видел горечь многих украинцев.

Я видел горечь многих поляков.

— Мы приходим сказать нелегкие, но нужные слова: прощаем и просим прощения, — говорил архиепископ Юзеф Михалик, предостерегая: — Важно не уклоняться от трудных и горьких истин, не смягчать их истолкованиями, которые, вместо того чтобы целить, снова ранят, унижают и даже оскорбляют и приносят боль. Куда благородней признать истину, признаться в ошибках, прощать и просить прощения. До войны жители Павлокомы жили в согласии, создавали смешанные семьи, вместе праздновали, помогали друг другу. Политические обещания и интересы всё это разрушили. Сегодня мы стыдимся этой истории, горюем над ней.

Архиепископ заключил свою речь словами:

— Просим прощения.

*

День 13 мая 2006 года останется в истории как очередной шаг на пути примирения поляков и украинцев. Важный, но вопреки надеждам одних и опасениям других — не переломный, ибо и те и другие не заметили... что перелом уже совершился!

Поляки и украинцы говорят друг с другом о трагических конфликтах сороковых годов прошлого века. В этих разговорах участвуют престарелые свидетели кровавых схваток. Над могилами тех, кому не удалось избежать смерти, стоят чудом уцелевшие и свидетельствуют о преступлениях.

Траурная церемония в Павлокоме — еще одно звено в цепи свидетельств памяти, подобное многим более ранним встречам, в том числе таким важным, как в Порыцко-Павливке на Волини в 2003 г., когда почтили память убитых там поляков, или на Лычаковском кладбище во Львове в 2005 г., когда были открыты реставрированные мемориалы польских “орлят” и украинских “стрельцов”, погибших в братоубийственных боях за Львов поздней осенью 1918 года. И — еще одно зернышко чечеток; религиозная метафора здесь уместна, так как этим встречам всегда сопутствуют молитвы верующих обоих народов.

— Надо, чтобы мы, поляки и украинцы, понесли это наследие в будущее, чтобы мы всегда находили в себе то, что в нас есть

лучшего, — говорил президент Лех Качинский. — Чтобы мы умели с милосердием и дерзновением молиться Богу словами: “И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим”.

*

Слова молитвы Господней, главной для христиан всех вероисповеданий, обрядов и оттенков, обретают здесь особую выразительность, сравнимую (а для верующих еще более глубокую) со знаменитым “Прощаем и просим прощения” — словами польских епископов, обращенных к немецким епископам в 1965 г., к чему я вернусь ниже.

Напомню, что первые разговоры о польско-украинском примирении начались намного раньше, еще в 1950-е, в кругах эмиграции, а на религиозной почве — в 1988 г., в связи с празднованием 1000-летия крещения Руси. Еще жив был Советский Союз, где национальная и религиозная темы оставались под запретом, и эти встречи не могли происходить ни на Украине, ни в ПНР. Юбилейные торжества были проведены в Риме в октябре 1987 года. Вокруг Папы-славянина собрались католики греческого и римского обряда со своими епископами, в том числе с кардиналом Мирославом Любачивским, архиепископом Львовским (в изгнании), и кардиналом Юзефом Глемпом, примасом Польши, чтобы начать разговор о примирении.

Потом, в августе 1991 г., в Ченстохову на Всемирный день молодежи — встречу с Иоанном Павлом II — прибыло свыше ста тысяч юношей и девушек из бывшего СССР, в том числе больше половины — с Украины.

Еще позже, в 2001 г., Иоанн Павел II побывал на Украине и, в частности, призывал оба братских народа к примирению.

Я упрямо включаю веру в этот процесс, ибо без нее он был бы не полон.

— Перед нами еще много работы, необходимой для того, чтобы наши народы нашли взаимопонимание и были готовы к взаимному прощению, — говорил кардинал Любомир Гузар.

*

Все это доказывает, что примирение — не одноразовый демонстративный акт, но живой процесс. Историки из обеих стран собирают документы и свидетельства тех трагических дней.

Все более частыми и публичными становятся размышления о бессмыслице этих братоубийственных схваток. И — что, может, важнее всего — примирение зреет в умах и сердцах как тех, кто пережил и помнит, так и тех, кто родился позже и память эту унаследовал. Происходит это в духе стремления к исторической истине и взаимной веры в добрые намерения обеих сторон. И с сознанием, что дурное прошлое раскрывают затем, чтобы строить хорошее будущее.

— Прощать могут только сильные, — заявил президент Виктор Ющенко. — Я склоняю голову перед жертвами этих трагедий, перед вами, мои дорогие украинцы и поляки. Вы ведете отважную и верную политику. Сегодня мы заявляем, что Украина и Польша демонстрируют новую политику солидарности. Да поможет нам Бог!

*

Меня, человека, который много лет внимательно следит за отношениями государств и народов Украины и Польши, поляка с фамилией, звучащей по-украински, потому что на Украине родились мои родители, того, кто с детства наслушался историй о резне на Волыни, но и о том, как соседи-украинцы помогали, рискуя собственной жизнью, — раздражают призывы ускорять или тормозить этот процесс. Я плохо воспринимаю как недовольство “гонкой преждевременных жестов и слов на вырост”, так и прикрывание “мнимых виновников, обвиняемых лишь потому, что они из якобы враждебного нам народа”.

Мое мнение таково еще и потому, что, родившись в Западном Поморье и поддерживая частые контакты с тоже родившимися там, но старшими по возрасту немцами и их потомками, я много лет наблюдаю польско-немецкое примирение. И тоже не могу избежать сравнений. Только в последнее время оно начало — и то постепенно — ускользать от политических деклараций высоких государственных мужей и спускаться ближе к рядовым людям. А это уже длительный процесс, притом намного чаще использующий факты общей судьбы изгнанников и общности современных интересов, нежели самые благородные намерения.

А фактов — хороших фактов, начиная с сотрудничества поверх границ и кончая путем в Европу, ведущим через Германию, — прибывает. И в опросах общественного мнения растет рейтинг доверия. Каждый год повышаются показатели симпатий поляков к соседям — немцам и украинцам. Начиналось же — на-помню — с “рейтинга недоверия”!

Помню письмо польских епископов их немецким собратям во служении (1965), переданное в ходе заканчивавшегося II Ватиканского собора, в канун празднования 1000-летия крещения Польши (1966). В ПНР не проводили опросов общественного мнения, созывали митинги с осуждением епископов, порицали их за то, что они высказываются от имени всей страны. И авторы письма, кардинал Стефан Вышинский и архиепископ Вроцлавский Бронислав Коминек, познали горечь поражения: не было адекватного ответа от немецкого епископата — первыми и с большим пониманием откликнулись тамошние евангелические Церкви. Однако вскоре (в декабре 1970-го) были подписаны первые государственные соглашения между ПНР и ФРГ. В результате немцы, родившиеся на западных и северных землях Польши, впервые смогли приезжать в родные места. Помню страх поляков, живших с 1945 г. в их домах: вот приедут поглядеть на семейное гнездо, а потом вздумают вернуться и отнять дома у здешних поселенцев. Но очень скоро их объединил опыт общей судьбы изгнанников. Таким образом, этот поступок польских епископов по сей день приносит и полякам, и немцам благословенные плоды.

— Ваш отец был братом моего родича Павла. Родство далекое, но я чувствую себя семейно связанным с вами. Я очень рад этой встрече. Знаю, что родом я из польской семьи, и никогда об этом не забывал, — говорит профессор Петро Потычный, украинец из Канады, автор монографии о Павлокоме (в том числе и о трагедии 3 марта 1945-го) солтысу Павлокомы Тадеушу Поточному, поляку.

*

Кто хочет побольше да поскорее — хочет дуновением согнуть лес и степь (и немецкий Черный Лес). Кто хочет поменьше да помедленней — палкой поворачивает к истокам Вислу и Днепр (и Рейн).

Все, что “сверх того, то от лукавого” — скажу это на библейском языке, который здесь, повторяю, и уместен, и просто необходим.

— Простить и получить прощение не значит забыть, — говорила Саломия, семья которой погибла в Павлокоме, а она выжила вместе с братом, потому что они были тогда в перемышльской гимназии.

О ЯЗЫКАХ ОБЩЕНИЯ

Исследуя нынешнюю напряженность в польско-российском диалоге, русская редакция радио “Полония” провела цикл бесед, разъясняющих калининградский взгляд на проблему. Вот одна из них — со Станиславом Свиридовым, кандидатом филологических наук, замдекана факультета славянской филологии и журналистики Российского государственного университета им. Канта в Калининграде.

— Видна ли Польша из Калининградской области? Вопрос может показаться парадоксальным, но общий диагноз польских публицистов сводится к тому, что российская политика, когда ей удобно, вообще не замечает отдельных членов Евросоюза, а когда надо — замечает только отдельные страны ЕС, выстраивая с ними подчеркнуто дружественные отношения или идя на конфронтацию. Калининград же — ближе...

— Бог его знает, как там Польша видна из Москвы. Но уж из Калининградской области она видна очень отчетливо. И совершенно отдельно от Евросоюза. Даже учитывая движение образов других стран в сознании калининградцев, Польша остается в нашем сознании отнюдь не частью Евросоюза: Польша остается для Калининграда именно Польшей. Это, кстати, напоминает и образ самой области в Польше: из Варшавы она, пожалуй, не видна как нечто особенное, но вот из Ольштына, не говоря уже о Бранево, она видна как нечто совершенно особенное: уж больно она близкая и, очевидно, занимает полгоризонта. Точно так же и для нас полгоризонта занимает Польша. Давнее восприятие польского — как было модно говорить в советское время — брата в значительной степени сохранилось. И не из-за того, что сохранились стереотипы того времени, и не из-за того, что стереотипы исчезли, как и не из-за того, что они сменились новыми. Восприятие Польши как чего-то очень близкого сохранилось просто из-за того, что оно обосновано самой жизнью.

— Варшава и Москва говорят на двух совершенно разных языках — констатирует нередко печать, имея в виду вовсе не лингвистические различия двух славянских языков, а язык политического дискурса. В этом контексте называют хотя бы разногласия в подходе к, казалось бы, общим категориям — таким, как, допустим, права человека. Это свойство политики — или совокупности польско-российских отношений? Что

подсказывает опыт единственной российской области, которая непосредственно граничит с Польшей?

— Я думаю, что по многим причинам говорить на общем языке можно. Общий язык есть. Когда мы говорим: Польша видит, Россия видит, Польша говорит, Россия говорит, — мы зачастую представляем себе правительства и официальные позиции. Когда же мы находимся на пересечении культур в приграничном регионе, то это пересечение не намерений того или иного правительства или политических верхов. Это пересечение на уровне граждан, на уровне общественности. Находить общий язык здесь всегда будет не так трудно, как в сферах тех или иных политических раскладов и игр.

Вы упомянули права человека. Вообще, если не считать права человека категорией политического языка, уже ставшей в его рамках не больше чем метафорой, то возможно ли различное их понимание? Конечно, возможно. Тем не менее на уровне человеческого оно не будет разниться так, как на уровне тех или иных политических концепций, языков политических процессов. Поэтому тут, безусловно, понимание не только возможно: оно просто есть. И степень имеющегося взаимного непонимания языков и текстов, составляемых на этих языках, я считаю, несколько гиперболизирована довольно метафорическим использованием некоторых категорий. А также желанием спекулировать на этом метафоризме в полемике с оппонентом, в отстаивании своей точки зрения. Проще говоря, когда политик говорит “права человека” применительно к другому государству, он имеет в виду кучу разных вещей, которые, если назвать их прямо, с правами человека имеют мало общего. Если же политик говорит о своей стране и употребляет то же самое словосочетание, он тоже придает ему значение, которое порой причудливо уклоняется от обыкновенного, словарного, номинативного значения этих слов. Уровень же общественный, уровень человеческий — он от этой метафоричности в значительной степени свободен.

— А значит, при желании, выбор “эффективного” языка возможен?

— Когда люди общаются, они пытаются выбрать тот язык, на котором общение наиболее богато и многогранно, то есть тот язык, который для них общий. Язык политики из этой сферы исключается — из-за того, что он в большинстве случаев (причем это касается не только Польши и России, это почти всеобщая закономерность), ведет скорее к непониманию, нежели к пониманию. Политикам приходится применять семиотическую эквилибристику, чтобы добиться понимания на своем

уровне, в то время как граждане запросто понимают друг друга, пользуясь языками, естественными для всех людей.

— Язык общения предполагает некие общие знаменатели, а находить их в польско-российском случае сложно из-за памяти о наболевших местах общей истории. Легко ли перейти от взгляда с точки зрения взаимных обид к взгляду с исторической точки зрения, например, общих бед? Он-то в прошлом веке на человеческом, как вы говорите, уровне уж точно был общим знаменателем.

— Думаю, что это реально скорее в будущем, нежели в настоящем. Потому что раздумывая о прошлом и прочитывая прошлое (тут опять мы говорим не о политических верхах, а о простых гражданах), мы прочитываем это прошлое по-разному — еще и в силу того, что это прошлое очень недавнее. Оно должно сначала уйти в более отдаленную перспективу. Люди, живущие ныне и представляющие, собственно, активный пласт культуры, еще активно вовлечены в события, составляющие пласт этого недалекого прошлого. Поэтому различие прочтений все-таки имеет место и вряд ли будет решительно ликвидировано в ближайшее время. Язык общего прошлого мог бы — я подчеркну: мог бы — быть объединяющим началом, но вряд ли сейчас им станет. А со временем — станет. Я уверен, что со временем восприятие истории и в России, и в сопредельных странах с общей во многом судьбой станет менее эмоциональным, менее непосредственно затрагивающим личную судьбу и личную память каждого человека и в этом смысле со временем будет все более и более объединяющим моментом.

— В отношении опыта XX века можно сказать, что у сегодняшних калининградцев — как общности, как социума, живущего на земле с чужими культурными корнями, — этот опыт имеет особый характер.

— Исторический опыт сосуществования на этой земле — это очень редкий опыт, имеющийся у очень немногих регионов. Опыт того культурного строительства, которое было совершено — худо ли бедно, хорошо ли, плохо ли, но все-таки эффективно — за пятьдесят лет истории — это опыт довольно редкий. У нас в области часто вспоминают о том, что говорилось в прежние времена: что на территории советского государства строится новая историческая общность — советский народ. Калининградская область — это одно из немногих мест, где в каком-то смысле эта общность состоялась, где жизнь была построена силами людей, которые съехались из очень разных мест и регионов, но где жизнь строилась путем культурного синтеза, неподконтрольного какой-либо концепции или стратегии. И здесь

решается задача, которую откладывала на будущее доперестроенная система. Задача совладать в конце концов с культурным наследием, которое несет эта земля, с культурной памятью. Не быть проглоченными этой культурной памятью и суметь стать ее наследниками. Наследниками по воле судьбы — так как по “культурной крови”, если можно так выразиться, наследниками мы стать не можем. Если в культурном отношении у Калининградской области и есть что-то уникальное, так это именно этот опыт.

Беседу вел Якуб Садовский

ПАМФЛЕТ НА САМОГО СЕБЯ

Встреча русских и польских литераторов в старинной усадьбе под Варшавой. Русским коллегам впервые открыли глаза на то, как относятся к их стране в Польше и на Западе. Хотя у себя они и диссиденты, но советских людей привыкли считать любимцами всего мира. Страны-сателлиты так долго курили фимиам всему советскому, что даже у этих разумных и порядочных людей в голове многое перепуталось. Так что в лагере наших московских коллег наблюдается некоторое замешательство. Нужно как-то разрядить неприятную ситуацию. Выход один: вечером, в неофициальной обстановке, выпить огненной воды.

Я беру все на себя. Чувствую, что у меня на это достанет сил. Сажусь с друзьями-москалями за пиршественный стол. Откупориваем одну бутылку, вторую, третью.

А потом я вижу, что ничего не вижу. Темнота и клиническая смерть.

На следующее утро просыпаюсь, с тревогой озираюсь вокруг. Все в порядке. Одежда висит в шкафу, туфли аккуратно стоят около кровати, а я лежу, заботливо прикрытый одеялом.

Поспешно реанимирую себя и мало-помалу возвращаюсь к жизни. Потом спускаюсь на завтрак. Присаживаюсь за стол к своим слабакам-сородичам.

— Дал я русским прикурить, а? Но потом я отключился, — заявляю нагло.

— Да уж. Ты свалился со стула, и русские отнесли тебя в комнату, уложили в постель, а потом вернулись и тут только начали пить.

Наблюдая за современной жизнью моего отечества, я прихожу к заключению, что для нас для всех было бы лучше и безопаснее, если бы депутатов парламента выбирали путем жеребьевки. Как некогда в древней Греции.

Развитие цивилизации лишило мужскую половину человечества многих возможностей азарта. Не на кого охотиться, нечего открывать в океанах и на таинственных континентах. Нет даже рыцарских турниров. Завоевывать

независимых дам тоже нет смысла: мужчины смирились с равенством полов, а то и крутят любовь друг с другом.

Так что им осталась только политика, удовлетворяющая извечное стремление к азарту и риску. Оттого к этой несчастной политике рвутся с безумным блеском в глазах все кто ни попадя: невежды и ученые, недоумки и извращенцы, сексуальные маньяки и импотенты. Политика на нашей бедной планете — земля обетованная для неудачников.

Если б депутатов выбирали из всех членов общества с помощью жеребьевки, это, хотя бы частично, спасло бы нас от концлагерей, гитлеров, сталиных и тех, еще неизвестных изуверов, которые пока играют в песочницах.

Всем в Европе известно это странное сооружение, воздвигнутое в центре Варшавы; в ясную погоду его видно даже из Дублина и Лиссабона. Называется оно Дворцом культуры и подарено нам бывшим Советским Союзом. Строили Дворец русские, стараясь угодить — по их представлениям — вкусам поляков. Поэтому небоскреб щедро украшен деталями наподобие тех, что советские архитекторы приметили в маленьких городках, в костелах и на железнодорожных вокзалах.

Вот и я строю свой дворец культуры из своих книг. Я сооружал его из разных элементов, повторяющихся в разных вариантах, лепил из собственного стройматериала, прихваченного из страны моего детства и из городов, куда меня потом забрасывала судьба. Везде — в подвалах, на первом этаже и на острие шпиля — папиллярные линии моих пальцев, а также следы моих тяжких трудов, приступов отвращения и кратковременного энтузиазма. Конструкция эта в отдельных своих фрагментах уродлива, неудачна, едва держится.

Но есть у моего дворца культуры одна особенность: его не видно. Ибо стены я возвел из субстанции, подобной стеклу или воздуху, то есть из настроений, робких мыслей, сомнений и смутных предчувствий. Однако из этого скромного небоскреба сквозь прозрачные стекла моей эктоплазмы виден мой мир: женщины, которых я любил или хотел любить, мужчины, с которыми я соперничал, животные, сопутствовавшие мне, и огромные декорации скверной истории, рушащиеся от бурь, ураганов и тяжелого дыхания толпы.

Я стоял в окружении американских писателей, издателей и журналистов в салоне нью-йоркского ПЕН-клуба, председателем которого был тогда Ежи Косинский. Стоял, сжимая в кулаке два жетона на два дринка, полученные у входа.

У меня здесь уже вышло несколько книг, я приехал из интересной страны, так что ко мне все время кто-нибудь подходил и пытался завязать светский либо профессиональный разговор.

Но я, к сожалению, из иностранных языков знал только польский. Поэтому после нескольких фраз типа: “How are you?”, “Are you Polish?”, “I am fine” — собеседник, разочарованный, отходил. Так что я стоял, гордый и одинокий, посреди большого зала и видел направленные на меня любопытные взгляды, и наблюдал за попытками различных доброжелательных дам и господ ко мне приблизиться. Но самый первый мой собеседник, понизив голос, сообщал всем: “Брось, он не говорит ни на одном языке”.

И я почувствовал себя пришельцем из приуральских степей, пастухом верблюжьих стад со свирелью в руке, в войлочном халате и сапогах с загнутыми носами, и меня охватил страх, что я вдруг взвою на каком-нибудь староцерковном наречии и станцую, допустим, лезгинку. Именно в этот момент во мне всколыхнулась какая-то могучая славянская сила, обуяла решимость родом из-под Грюнвальда, чудовищная гордыня правнука литовских бояр, и я пообещал себе тут же, не откладывая выучить английский.

Чуть поостыв, уже в Варшаве, я обзавелся дюжиной самоучителей и комплектом пластинок и магнитофонных кассет с уроками этого таинственного языка.

На следующий день, свежий и энергичный, уже в шесть утра я включил проигрыватель, магнитофоны и рьяно принялся за самоучители. Первый раздел назывался “First Lesson”. Он был не длинный. Несколько страниц. К полудню я уже освоил первую половину первого раздела “First Lesson”. До вечера успешно овладел оставшейся половиной. Но перед тем как лечь спать, убедился, что совершенно не помню первой половины “First Lesson”. Заснул крайне подавленный.

Наутро я снова взялся за эту первую часть. Но напрочь забыл конец. Целый месяц я мучился с этим разделом, забывая то конец, то начало. И... сдался. Сломленный, отчаявшийся, слушал несущиеся из моей электроники мычание и стоны, которые называются английским языком. Беспомощно листал этот несчастный “First Lesson”, ставший началом и концом моего лингвистического образования.

Однако нет худа без добра. Чем упорнее я учил английский, тем лучше говорил по-русски.

Фрагменты прозы Конвицкого вы найдете в № 12/2000.

Конкурс "НП" - Рецензия и полемика

написать в редакцию

ЗАМЕТКИ ПЕРЕВОДЧИКА

Тадеуш Конвицкий стал одним из первых моих открытий в польской литературе. Я тогда еще только к ней “приобщалась”, еще не знала, что это станет моей профессией, читала по-польски — как и многие в “послеоттепельной” стране, в основном журналы: “Пшекруй”, “Фильм”, “Кобета и жиче”, — пробовала свои силы, переводя небольшие рассказы. “Современный сонник” Конвицкого впервые прочла по-русски, его перевела моя тетя и учительница, замечательный мастер Юлия Мирская, которой русский читатель обязан знакомством со многими выдающимися польскими писателями; “Сонник” был последней ее работой: она успела прочитать верстку, но уже не увидела книги, вышедшей в 1966 году.

Примерно тогда же я посмотрела фильмы режиссера Конвицкого: “Последний день лета”, “День поминовения”, “Сальто” — какие-то неожиданные, загадочные и пронзительные, по-своему уникальные — редко кто из прозаиков, владея искусством воплощать образы в слове, умеет переносить на экран свое видение реальности (и нереальности, потому что у Конвицкого эти два понятия близки и переплетены как мало у кого). И с тех пор я уже не пропускала ни одной его новой книги, выходившей в Польше, сначала в открытой печати, потом, когда его имя попало в “черные списки”, в самиздате; приезжая в Варшаву, бежала в кинотеатр, чтобы еще раз увидеть старые фильмы, однажды даже попросила показать мне “Как далеко отсюда, как близко” в творческом объединении, где фильм снимался, потому что не было возможности посмотреть его раньше. И наконец, в 1987 году прочитала “Бохинь” — до сих пор это моя самая любимая книга Конвицкого. Тогда в Москве готовился к печати сборник писателя (вышел он много позже, почти через десять лет), мне предложили перевести “Хронику любовных происшествий”, но я, зачарованная “Бохинью”, упростила редактора, чтобы ее включили в состав сборника и перевод поручили мне. Переводческий опыт у меня тогда уже был не маленький, однако приступала к работе я с робостью, с опаской: а вдруг не получится? Но начала — и поплыла по течению, подстегиваемая душевным волнением и незримым присутствием автора; текст крепко держал при себе, властно управлял мною, ясность и точность польских слов требовали

адекватных русских, но они находились, потому что пан Тадеуш постоянно был поблизости, стоял рядом с моим письменным столом и не позволял отклоняться в сторону, придумывать то, чего не было у него. А если такое случалось, не сердился — нет; впрочем, даже если и сердился, прямо этого не показывал, только усмехался, качал головой, чуть заметно морщился или отпускал, как он это умеет, меткое ироническое замечание, — и я спохватывалась: ох, не туда меня занесло! — и возвращалась к его словам, к его филигранной прозе, к сути. (И однажды, в канун 1997 года, после выхода последовавшего за “Бохинью” “Зверочеловекоморока” была вознаграждена за свои старания полученным от Конвицкого письмом, в котором он высоко — ох, как же я гордилась и радовалась! — оценивает перевод и благодарит меня за то, что я “упорно перевожу и популяризирую некоего полячишку из Привислинского края”...)

Вслед за “Бохинью” и “Зверочеловекомороком” я перевела еще два романа: “Чтиво” и “Польский комплекс”, отрывки из “Памфлета на самого себя”. Спасибо петербургской “Азбуке” — редактор этого издательства Александр Гузман выловил “Чтиво” из немалого числа польских публикаций на страницах журнала “Иностранная литература” и напечатал отдельной книгой; вслед за этим “Азбука” выпустила переиздания еще двух книг Конвицкого: “Зверочеловекоморок” и “Хронику любовных происшествий” (в переводе М.Игнатова). Кроме того, есть вышеупомянутый сборник 1995 года, куда кроме “Хроники” и “Бохини” входит “Малый апокалипсис” (перевод А.Ермонского). Хочется надеяться, что нашего читателя это не насытит, что интерес к творчеству замечательного писателя не иссякнет — как не иссякал никогда интерес Тадеуша Конвицкого к нашей стране, к российской культуре, — что переводы и других его книг появятся в России.

С самим паном Тадеушем я познакомилась в Москве, когда в 1989 г. он привез на Московский кинофестиваль свой фильм “Лава” по “Дзядам” Адама Мицкевича. Увидела его после показа среди актеров и членов съемочной группы — обожающих мэтра, наперебой рассказывающих, что ни с каким другим режиссером так прекрасно и легко не работалось. И неудивительно. Иным не мог быть автор *таких* книг! И сейчас я присоединяю свой голос к тому хору и к голосам многочисленных поклонников Конвицкого — писателя и режиссера, рискнув признаться: я люблю Вас, пан Тадеуш, Вы подарили мне столько чудесных часов, столько радости — ведь это огромная радость: на какое-то время превратиться в Вас (боюсь сказать: влезть в Вашу душу), думать Вашими мыслями, чувствовать Вашими чувствами. И простите, если, переводя

Ваши книги, я в чем-то промахнулась, чего-то не доглядела.
Долгих Вам лет, здоровья, сил, бодрости. С днем рождения!

Конкурс "НП" - Рецензия и полемика

написать в редакцию

СТИХИ ПОЛЬСКИХ ЛАГЕРНИКОВ

Беата Обертынская

Последняя осень

(1939)

...Ночь нарастает с востока, большая, косматая.

Ночь скоро задушит на краю света остаток

зарева, что в почерневших кронах деревьев тлеет.

Парк уснул, погружаясь в землёй притянутый холод,

в сон, над которым воронья стража темнеет —

комьями грязи облеплены ветви голые...

Парк уснул, как усталый узник приговорённый,

что наяву о смерти думать ещё не смеет,

хотя его сон заранее — смерти бессильный брат...

Жар последнего зарева в теснине стволов зажат,

ночь нарастает с востока...

Воркута

Помню тебя, чужая вода, мёртвая, ледяная...

Ты широко по долине шла илистым яром,

равнодушная ко всему, что было в том вражьем крае

обречено на гибель, на беспощадную кару...

Едва сочился рассвет, испаренья курились бледные,

за волосы в неизвестность вода их тянула прочь...

Следом безвольно влачились, напропалую, слепо,

туманы, зарёй рождённые, умирая к исходу ночи.
Ты, вода, не умела, а может статься, и впрямь
не стоило впитывать образ берегов, что плыли с тобой,
лозу и серую глину, выцветшую и упрямую, —
отражённую полуночной, бесцветной, тоскливой водой!
И только когда запад заревом абрикосовым
воспарял над снежным Уралом, где дикая ночь люта,
ты, заколдованная, от страха покорного плоская,
смертельную красоту его удваивала, Воркута!

Ежи Вощинин

Лесоповал

(Из “Таёжных сонетов”)

Стук спотыкался об эхо на рассветном морозе крепком
И отдавался в тайге, угасая где-то над нами.
С вершин и веток дрожащих снег опадал пластами,
Железо разило деревья, летели светлые щепки.
В ритме сухом и быстром пилы визгливо запели,
Как сойки, кричащие осенью среди омертвевших листьев,
Качнулась сосна подрубленная и, резко верхушкой свистнув,
Обрушилась наземь взрывом снежной метели.
Дым от костров в небо тяжёлой лавиной валит,
Пляшет весёлое пламя на ветвях суковатых,
Отогревают спины в дырявых бушлатах
Люди, которые вкалывают на лесоповале.
Охранник курит махорку; как журавль, осторожный,
Бдительно водит штыком, счёт бригаде ведя несложный.

Здислав Бронцель

Лазарь

Мы теперь тоже смердим, словно брат твой, Марфа,
Когда велели ему выйти, обвитому пеленами —
Милость жестокая, жуткая и хранящая жар тот,
Святой, как безмерность свободы, открывшейся перед нами.
Нам, восставшим из праха в мареве зыбком, неярком,
Скорбен путь средь погостов, занесённых снегами.
Мы покаянным шествием плетёмся вдаль, а над нами,
Над нашим надрывным гимном вороны яростно каркают.
Вы на нас смотрите, как на мощи, нежданно найденные,
В страхе: вдруг дорогое лицо ощерится, точно череп.
А кто из вас, заглянув правде в глазные впадины,
Улыбался иначе? Кто решится измерить,
В какую низвергнуты пропасть те, чью вину не изгладить,
А чтобы восстать, словно Лазарь, — как надо верить.

Александр Ват

Ивы в Алма-Ате^[1]

Ивы, они всюду ивы
Прекрасна ты, в блеске и в инее, алма-атинская ива.
Но если я забуду тебя, сухая ива с улицы Розбрат,
пусть отсохнет моя рука!
Горы, они всюду горы
Передо мной Тянь-Шань плывёт в фиолетовой дымке,
пенится свет, скала красок бледнеет и исчезает.
Но если я забуду тебя, вершина далёкая в Татрах

и речка Белая, на берегу которой мы с сыном мечтали о
странствиях

под парусами,

а с нами тихой улыбкой прощалась наша добрая
покровительница —

пусть превращусь я в камень татранский.

Если я вас забуду

Если забуду тебя родной город

Ночь варшавская, дождь и ворота, а перед ними

нищий просит хлеба крошку,

пёс порвал ему одежду.

Спи, Ендрусик...

Горестно раскинул я руки, как плакучая польская ива

Если я вас забуду,

газовые фонари на Журавьей, этапы моей любовной муки –

блеск сердец, затаённый в тёмной стыдливости листьев,

шёпот, шорох и дождь, и громыханье колёс в Аллее,

и золотопёрый рассвет голубиный

Если забуду тебя, сражающаяся Варшава

кровью вспененная Варшава

если забуду Тебя

если я Вас забуду...

январь 1942

---

1. Стихотворение написано после освобождения поэта в рамках амнистии 1941 года. В то время Ват не знал, где находятся его

жена и сын. Опубликовано в 1942 г. в журнале “Польша”
стихотворение помогло ему найти своих родных.

РОД ШЕПТИЦКИХ

Документированная генеалогия семьи начинается на рубеже XIII–XIV веков. Генеалогическое древо, приложенное к выпущенным несколько лет назад запискам Зофьи Шептицкой, урожденной Фредро, о сыне Романе, ставшем впоследствии греко-католическим митрополитом, невероятно развесисто. Помещичьи семьи бывали, особенно в далеком прошлом, многодетными — отсюда пошло родство Шептицких с Шембеками, Сапегами, Старовейскими, Яблоновскими, Брель-Пратерами (предками Эмилии Пратер, героини восстания 1830 года), Красинскими, Фредро и Велепольскими.

Двое Шептицких, внуки графа Леона, дети Яна Сильвестра, рассказывали мне о семье и о себе: Мария Шептицкая, профессор-физик из Института ядерных проблем им. Анджее Солтана в Варшаве, и Анджей Шептицкий, профессор-зоолог из Института систематики и эволюции животных ПАН под Краковом. Еще один брат, Павел, — профессор-математик в США. Они представляют собой довольно недавнее новшество в семейных традициях, где сплелось множество задач, поколение за поколением выполнявшихся на благо Речи Посполитой многих народов — на полях боев за независимость, в организациях, служивших выживанию нации, в органическом труде, религиозной жизни, культуре, особенно в словесности. Зофья Шептицкая, дочь драматурга Александра Фредро, унаследовав и талант отца, и желание писать, оставила богатые воспоминания — одновременно и историю семьи, и автобиографию, и ценную картину эпохи, многие черты которой еще сохранились в биографиях правнуков.

Мария Шептицкая интересуется временами прабабки, но ее живая память и сердечный интерес обращены к поколению дедушки Леона, которого трое нынешних профессоров, собственно, не знали, так как он был расстрелян красноармейцами в своем имении 27 сентября 1939 года. Жена пошла вместе с ним на смерть, не желая спастись бегством. Мои собеседники были тогда в таком возрасте, которого взрослый человек уже не помнит. Самого младшего из троих еще и не было на свете.

Дедовские фотографии

Пани Мария хранит фотографию пяти братьев Шептицких, братьев дедушки Леона, сделанную летом 1939 го, когда некоторые уже предчувствовали, что наступает если не конец того мира, который они создавали, то во всяком случае долгий период неизвестности в судьбе. Двое старших из семерых сыновей Зофьи и Яна Шептицких рано умерли. Еще двое перешли в греко-католический обряд, вступив в орден василиан. Их внучатые племянники, особенно пани Мария, издавна живущая в Варшаве, глубоко почитают «русинские» корни семьи и то богатство, каким наделило ее призвание обоих двоюродных дедов. Старший из них, Роман (в монашестве Андрей), стал греко-католическим митрополитом Львовским, а значит, фигурой, возбуждавшей споры. Включаясь — с ведома и согласия Папы Льва XIII — в реформирование ордена василиан, чтобы лучше служить культурным и национальным чаяниям украинцев (как их тогда еще не называли), у поляков он встречал осуждение, особенно когда конфликты на общей земле обострялись. Младший брат, постриженный под именем Климентия и ставший архимандритом василиан-студитов, был вывезен большевиками из Львова после смерти митрополита (1944) и умер в тюрьме (ныне причислен к лику священномучеников).

Александр Шептицкий, тоже увековеченный на фотографии, хозяйничал в имении Лабуня на Замойщине и тоже погиб, замученный в замойской «Ротонде». А Станислав Мария, генерал австро-венгерской, а затем польской армии, умер в своей постели, как с улыбкой отмечает пани Мария.

В 1996 г., в год 400 летия Брестской унии, Мария Шептицкая поехала со своим сыном, студентом факультета международных отношений Варшавского университета, на юбилейные торжества в Рим. Там они встретили многочисленных приезжих с Украины, проявлявших к ним дружеские чувства.

— Люди нам радовались. Мне не раз говорили: «Митрополит Андрей дал моему деду стипендию, чтобы тот учился: митрополит отправил моего деда за границу... — и, как бы оправдываясь, Мария Шептицкая добавляет: — Я сегодня никому не могу дать стипендию, но... Шептицкие это делали, а люди помнят.

Тени великих и близких

У Леона Шептицкого было восемь человек детей. Две из шести дочерей постриглись в монахини. Один из сыновей, Ян Сильвестр, скончавшийся в 1980 г., был отцом троих нынешних

профессоров. Со стороны матери Зофи, урожденной Велепольской, у них тоже большая родня, включая знаменитого общественного деятеля XIX века маркиза Александра Велепольского.

Я спрашиваю своих собеседников о том, каким образцам им хотелось подражать. Ближайшим и первым, хотя и не «абсолютным образцом», был отец. Мария и Анджей в детстве знали его мало, так как, вывезенный большевиками, он сидел в тюрьмах, строил Находку, после чего, выйдя из «дома неволи» с армией Андерса, осел в Южной Африке и вернулся, когда Анджею было уже 18 лет. Семья, разделенная после войны, сохранилась, и это, по мнению пани Марии, особенно ценная заслуга ее членов. После ареста отца мать с тремя детьми осталась в Девятниках, украинской деревне, отношения которой с помещичьей усадьбой в Прилбичах (польское название — Пшилбицы) были всегда хорошими. Благодаря помощи «тети Хани» все перебрались во Львов, а оттуда дальше — на земли, носившие при немцах название Генеральной Губернии.

Императивом в том, чтобы «выйти в люди», то есть прежде всего учиться, была легенда отца, которую мать лелеяла тогда, когда дети не знали, что отец живет в Африке, что о нем пришло известие через Красный Крест. Они воспитывались, как вспоминают, в тени фотографии в кожаной рамке, где Ясь (так они всегда называли отца) был в защитного цвета обмундировании армии Андерса.

Трое профессоров Шептицких относятся к прилбичской линии, а Прилбичи в свое время достались по обычаю рода Леону как самому младшему. Семейное гнездо они знают хорошо, хотя только косвенно, по рассказам, как «дом большой, невероятно гостеприимный», куда на Рождество съезжалась вся огромная семья. Утром в сочельник выезжали на охоту, потом за столом пели польские и украинские коляды, а на рождественскую мессу отправлялись в костел в Брухнале. Они также знают, что их бабушка, уроженка келецкой земли, часто отправлялась на воскресную мессу в расположенную гораздо ближе, чем костел, греко-католическую церковь в Девятниках. Пани Мария ходит сегодня в церковь василиан в Варшаве, иногда ее сопровождает сын.

Несколько лет лет тому назад она поехала на Украину, в Прилбичи, и, пожалуй, впервые со времен военного лихолетья зажгла поминальные свечи на могилах предков в день Всех Святых. Дома, который собирал всех Шептицких, больше нет;

их тени словно продолжают опекать эту землю, чтобы она не ощущала их отсутствия.

Земляки

Отец моих собеседников однажды сказал, что нет никого среди Шептицких, кому были бы чужды польско-украинские проблемы. Семья веками жила на украинской земле и постепенно ополячилась. Ощущение «национальной двойственности» осталось сильным и превратилось в заинтересованность, отмеченную ощущением общности.

У Анджея Шептицкого постоянные научные контакты с Украиной, а значит, и много друзей там.

— Еду туда почти как к родне.

Сын пани Марии говорит об украинцах: «Твои земляки, мама», — и она считает эти слова прекрасным определением той связи, которая соединяет ее с жителями родных мест. Кстати, кроме физики Мария Шептицкая занимается как раз историей своих земляков, прежде всего историей взаимоотношений поляков и украинцев — со всеми ее болезненными аспектами, со всей той неправдой, которая нагромождалась писавшими эту историю, с особым вниманием к судьбе братских Церквей, с личным равнодушием к личности владыки Андрея и стремлением развеять мрачную легенду, которая возникла по невежеству биографов и по их не всегда добрым намерениям. Такое стремление должно, как говорит пани Мария, основываться на глубоких знаниях. Это мнение разделяет ее сын Анджей, и оба они возлагают большие надежды на результаты поисков в семейных и исторических документах.

Мы должны были быть лучше всех

— И в школе, и в гимназии мы знали, что должны быть лучше всех, — рассказывает профессор Анджей Шептицкий. Он признаётся, что у него самого не было трудностей из-за происхождения, когда он поступал в вуз в 1956 году. Самого старшего, Павла, приняли на математический факультет «по большой протекции». Мария хотела... строить самолеты. На соответствующий факультет Вроцлавского политехнического института ее не приняли, как потом и на физический факультет Ягеллонского университета. Помогло лишь вмешательство одного «порядочного человека».

Профессор Шептицкий считает, что «ученость» рода идет скорее по материнской линии, от двух дядьев — Александра

Велепольского, варшавского химика, и Альфреда, щецинского историка. К этой же линии относится историк, муж сестры матери, познанский профессор Герард Лабуда. Впрочем, многие поколения Велепольских получали образование в хороших школах и вузах, а самый старший сын унаследовал имение, которое как родовое нельзя было разделять.

Карьера, не связанная с ценностью личности, в семье вообще не входила в расчет. Такое понимание прививалось молодежи в прилбичском доме и после войны в Корчине под Кросно, где проходили школьные годы героев семейной саги. В один голос они утверждают, что не в состоянии отделить то, что вынесли из родного дома, от того, к чему их обязывает история в более широком смысле слова — история родной страны; а ощущение подобного долга присуще каждому из них. Академические карьеры обоих и стали способом исполнения этого долга. Анджей «пришел в биологию» из интереса к тому, как что называется, и желанья знать «по именам» самых разнообразных животных — рыб, птиц, насекомых. Он занимается этими проблемами профессионально, ведет исследования в области систематики животных, а после работы с удовольствием занимается садом, в котором есть множество... интересных насекомых. И он, и его сестра приняли участие в тех переменах, которые произошли после августа 1980 го. Анджей Шептицкий был директором Института систематики и эволюции животных ПАН, и это учреждение под его руководством сумело пройти весь нелегкий период военного положения. Мария Шептицкая возглавляла лабораторию в Институте ядерных проблем. Кроме занятий наукой, она, не имея сада, разводит на балконе 11 видов можжевельника. Живет она поблизости от ипподрома и приходит туда полюбоваться лошадьми. Ее брат чтением углубляет свои знания по истории древнего мира.

Следующее поколение, по мнению обоих, в своих интересах и устремлениях нацелено более «жизненно». Неизвестно, будут ли среди них ученые, но ясно одно, что каждый захочет получить высшее образование — не потому, что такова потребность нынешнего времени, но потому, что в семье к молодежи всегда предъявлялись такие требования.

Мария и Анджей Шептицкие, как и их брат Павел, как и их ровесники по лабунской линии: Александр, директор Института механизации сельского хозяйства, его жена, химик, принимающая участие в работе богадельни и других формах помощи ближним, — все они начинали взрослую жизнь в ту эпоху, когда помещичье сословие лишили материальных основ

быта и привилегий, а официальная идеология отрицала его социальное значение и ставила под сомнение исторические заслуги.

— Мы это приняли к сведению и, пожалуй, успешно справились с этим испытанием, — говорит Мария Шептицкая и добавляет: — Я надеюсь, что мы сумеем создать кое-что ценное — мы как люди.

Люди их поколения из сословия помещиков перешли в ряды интеллигенции, но уже в иных условиях, чем это случалось с их предками в XIX веке. Либеральные демократии сомневаются в духовном лидерстве интеллигенции по другим причинам. Я спрашивала моих собеседников, нет ли у них ощущения, что данная роль исчерпала себя. Пани Мария ответила отрицательно, несколько косвенным образом:

— Невозможно себе представить, чтобы профессор отменил лекцию без основательной причины. Из-за бронхита позволительно отменить лекцию, но из-за интересной встречи за границей — нет. Вся сфера воспитания — это сфера наших обязанностей. Вторая сфера — это разнообразная общественная деятельность, ради других, вместе с другими. Если мы хотим построить нечто конкретное в нашем ближайшем или более далеком окружении, то мы просто должны это делать. И, пожалуй, мы это делаем.

Очерк подготовлен по материалам передачи из цикла I программы Польского радио «Династии ученых»; цикл передач финансируется Фондом поддержки польской науки.

«НЕ БЕЗ ПРИЧИНЫ ЕПИСКОПСКИЙ ПОСОХ НОШУ...»

Нелегко историку писать портрет видного и спорного лидера коллективной жизни в тот момент, когда идет церковный процесс его беатификации. Ко всегда весомой профессиональной ответственности за слова о прошлом прибавляется чувство усиливающейся в такой момент актуальности и важности поднимаемой нами темы: каким был этот человек, которого Церковь намерена указать как особо ценный образец христианского поведения. Историк не намерен прямо высказываться по этому вопросу: его роль — не оценивать людей, а всего лишь напоминать о событиях.

Греко-католический митрополит Андрей Шептицкий (1865–1944) присутствовал при стольких событиях своей эпохи, и таких важных, и так активно в них участвовал, что, упустив его из виду, более того — не описав его, невозможно рассказать ни историю Греко-католической Церкви в XX веке, ни историю возрождения украинского народа и его культуры в тот же период. Наложил он свой отпечаток и на традиции польской культуры восточных окраин, и на историю католичества в России, став точкой скрещения многих вопросов, важных для культурного и вероисповедного самосознания всей Восточной и Центральной Европы. О таких людях говорят, что они подталкивают историю.

***

Роман Александр Шептицкий (имя Андрей, под которым он вошел в историю, он принял 2 июня 1888 г., вступив в греко-католический орден василиан) родился в 1865 г. в Прилбичах Львовского воеводства, т.е. в тогдашней Австро-Венгерской империи. Семья оказала на его личность влияние, силу которого мы сегодня почти не умеем осознать. Находясь на грани зажиточного дворянства и титулованной знати, она входила в специфический культурный круг, многонациональный и расположенный поверх европейских границ, связанный бесчисленными матримониальными и всякими другими связями. Участие в этом кругу давало разнообразные культурные, социальные и даже экономические

прерогативы, зато навязывало определенный стиль поведения и границы допустимых отступлений от того, что там было принято. Ян Шептицкий, отец будущего митрополита, похоже, весьма заботился о соблюдении этого неписаного кодекса своего круга. Мать, Зофья Шептицкая, урожденная Фредро, дочь великого драматурга, исключительно ревностная католичка, получившая религиозное образование, меньше заботилась о светском конформизме и по крайней мере в делах веры была готова нарушать предписания. Она тоже пользовалась у своего сына огромным авторитетом.

Говоря сегодня о патриархальной модели аристократической или помещичьей семьи, мы обычно рассматриваем эту модель как принятую извне систему зависимостей и иерархии поколений, систему, ограничивающую свободу поведения и поступков отдельных личностей, поставленных в зависимость от воли отца семейства. Однако наблюдение отношений в конкретных семьях этого круга показывает, что патриархальность не строилась на жесткой структуре приказа и повиновения, а была обычно укоренена в чувстве эмоциональной связи, солидарности и совместной ответственности за всю семью. К семейным связям относились всерьез, они много значили, а в то же время были лишены сентиментальности, почитаемой слабостью и недостатком культуры чувств. Подобной сентиментальности избегали и в рамках религиозности, редко демонстративной, почти не обсуждаемой и в связи с этим сильно индивидуализированной. Эта религиозность в малой степени опиралась на местное, обычно довольно убогое, пастырское окормление. Зато пищей ей служила весьма широкая европейская религиозная литература, наверняка традиционная и традиционалистская, но культурно весьма богатая.

У семьи Шептицких были, разумеется, украинские («русинские») корни, лежащие в восточном христианстве, в XVIII веке один из Шептицких был даже греко-католическим митрополитом — но к концу XIX века она уже была чисто латинской, западной и «европейской». Постоянные контакты с населением, в большинстве своем украинцами и греко-католиками, были дружескими и культурными контактами «господ» со «службой». Интересно, что в доме действовало правило: к каждому из служащих обращаться на его родном языке. Кстати сказать, сын писал матери письма чаще всего... по-французски.

Этот культурно-социальный контекст поможет нам осознать скандал, каким стало в этой семье решение сына Романа,

глубоко религиозного, покинуть латинский обряд своих родителей и всего окружения и стать греко-католиком — вступить в восточный орден василиан. Это была религиозная, культурная, социальная революция. Со временем она проявила и свой национальный аспект, но это обнаружилось намного позже. Исполнение этого решения совершалось постепенно и с заботой сохранить полное уважение к авторитету отца. Это тянулось несколько лет, однако свершилось: из светского общества исчез Роман Шептицкий, а в монастыре василиан в Добромиле появился послушник, а через четыре года — отец Андрей.

Нелегко ответить на вопрос, какую историческую реальность — религиозную, культурную и социальную — представляла собой Греко-католическая Церковь в Восточной Галиции в конце XIX века. Польские свидетельства, чаще всего принадлежащие латинскому духовенству или знающим деревню помещичьим кругам, оценивают ее весьма критически, но, вероятно, они в некоторой мере пристрастны.

В них особенно подчеркивается культурное убожество пастырского окормления греко-католиков. Такие мнения могут отражать истину даже в отношении большинства греко-католических приходов, но они не исчерпывают всей картины. Украинская элита, начинавшая творить нацию, рождалась прежде всего как раз среди греко-католиков, и происходило это по крайней мере за два поколения до эпохи, о которой мы здесь говорим. Не следует забывать, что знаменитая «русинская троица» молодых поэтов, с которых начинается украинская литература Нового времени: Сташкевич, Вагилевич и Головацкий, — были выпускниками греко-католической семинарии, что авторами 40 из 43 украинских текстов, изданных до 1850 г., были греко-католические священники, а председателем Головной Рады в период революции 1848 г. был епископ Григорий Якимович, греко-католический митрополит Львовский. Значительно позже, в 1882 г., польские иезуиты по поручению Папы Льва XIII активно помогали реформировать пришедший в некоторый упадок греко-католический орден василиан. Возглавлял эту деятельность о. Генрик Яцковский — обратим внимание, духовник юного Романа Шептицкого. Здесь мы, как нам кажется, затрагиваем обстоятельства юношеского решения постричься в василиане.

Из-за сильного сопротивления отца осуществление этого плана было отложено на несколько лет, во время которых Шептицкий отбывал воинскую службу, весьма недолгую из-за тяжелой болезни, а потом изучал право в Бреслау и Кракове, весной 1888

г. получив звание доктора права. Годы учебы он использовал для того, чтобы получить как можно более полные знания о тогдашних проблемах жизни Церкви: в Кракове он подружился с братом Альбертом (Хмелевским), в Велеграде участвовал в обновлении кирилло-мефодиевских традиций, в Риме 21-летним студентом познакомился с престарелым основателем ордена воскресенцев о. Петром Семененко, с кардиналами Влодзимежем Чацким и Мечиславом Ледуховским, в Киеве — с выдающимся украинским историком Володимиром Антоновичем, в Москве — со знаменитым религиозным философом Владимиром Соловьевым. Список контактов такого уровня можно было бы продолжить. Пополнив таким образом свое образование, он в 1888 г. стал послушником в василианском монастыре в Добромиле.

С этого момента его биография приобретает захватывающий темп. Через четыре года он рукоположен во священника, через пять — стал учителем василианских послушников, через семь — настоятелем львовского монастыря св. Онуфрия, через девять — реформировал женский орден монахинь-василианок, через 11 — возведен в сан епископа в Станиславе, а через 12, назначенный митрополитом Львовским, — возглавил Греко-католическую Церковь в Галиции. Это служение он нес до самой смерти (1944), то есть 44 года. Годы трудные и драматические.

***

В одном из пастырских посланий он написал: «Не без причины епископский посох ношу!» Это прозвучало тогда весьма категорично и почти грозно: от своих подчиненных он требовал повиновения и дисциплины. Но у меня создается впечатление, что тут есть нечто большее: личное сознание своей роли епископа и митрополита в этой Церкви и этом народе. Поняв это удивительное восклицание, можно, пожалуй, обнаружить общий знаменатель всей его деятельности.

Греко-католическая Церковь, уже около двух десятков лет переживавшая период пробуждения своей элиты, нуждалась в динамическом продолжении своего развития. Выбирая из нескольких возможных ее путей, митрополит вначале выдвинул главной задачей духовное и интеллектуальное образование самого духовенства. В течение 15 лет до начала I Мировой войны это выражалось в заботе о митрополичьей семинарии во Львове, в отправке самых способных священников продолжать образование в Риме, Фрибуре, Инсбруке, но также и в стремлении развивать монашескую

жизнь. Еще до того, как Шептицкий стал митрополитом, он, используя опыт брата Альберта и польских альбертинцев, готовил создание ордена студитов, первый монастырь которых был открыт в 1904 году. Перед самым началом войны митрополит предпринял шаги по созданию греко-католической ветви латинских редемптористов. Всю эту деятельность можно считать обогащением Греко-католической Церкви путем использования латинских образцов. Но в то же время Шептицкий был сторонником и пропагандистом мысли о том, что Греко-католическая Церковь должна оставаться верной своим традициям, связывающим ее с восточным христианством, его духовностью и культурой. Со временем он стал духовным лидером этого «восточного течения» в греко-католичестве XX века.

Обращение к традициям брата Альберта в свою очередь означало, что пастырское окормление должно быть тесно связано с реальной помощью в материальных и социальных нуждах всей церковной общины. Этот аспект пастырских задач, разумеется, важный и сильно подчеркнутый, нес с собой, однако, огромную социальную, идейную и политическую проблематику жизни Греко-католической Церкви в многонациональном обществе, раздираемом внутренними конфликтами. В таких исторических обстоятельствах следование евангельским заповедям неизбежно втягивал Церковь в водоворот борьбы — социальной, между социалистами, народниками и консерваторами, и национальной, где главными сторонами были украинцы, католики греческого обряда, и поляки — латинского. Желая оставаться в контакте с мирянами своей Церкви, священники были вынуждены выражать мнение по обоим этим вопросам, а желая оставаться в согласии со своим призванием, должны были показывать, где проходит путь между смирением с несправедливостью и террористическим ответом на насилие. Задача была чрезвычайно трудной, она требовала высокой нравственной квалификации и от рядового священника, и — несравненно больше — от митрополита, который становился судьей во всех конфликтных ситуациях. При этом он был митрополитом украинцев и должен был указывать путь не только Церкви, но и народу.

И здесь, в этой второй плоскости, его предложения по развитию совпадали с теми, какие он выдвигал в отношении Церкви. Первой задачей было укрепить национальное самосознание. В 1905 г. митрополит учредил во Львове украинский Национальный музей. Вскоре он приступил к стараниям по основанию украинского университета. Этого ему

добиться не удалось, но благодаря ему во Львове начало свою деятельность Научное товарищество им. Тараса Шевченко, а духовенство его епархии стимулировало целый ряд местных культурных начинаний своих прихожан. Если в итоге украинской организационной деятельности в Галиции к 1914 г. насчитывалось три тысячи начальных школ, 27 гимназий, почти три тысячи отделений культурного общества «Просвита» и свыше 500 народных сельскохозяйственных кооперативов, то во всей этой общей деятельности доля стараний и поощрений митрополита была немалой. Он строил Украину снизу.

Митрополит использовал также свои политические возможности в верхней палате венского парламента, действуя в пользу создания украинской автономии на территории Восточной Галиции. Идею эту он пропагандировал и за границей, посещая греко-католическую украинскую эмиграцию в Северной и Южной Америке. К политическим событиям в самой Галиции он подходил с осторожностью, предостерегая свое духовенство от участия в партийных интригах и требуя соблюдать внутрицерковную солидарность. От политического террора он отмежевался с самого начала, осудив убийство наместника Галиции Анджея Потоцкого, совершенное в 1908 г. украинским студентом Миколой Сичинским. В резком публичном выступлении он произнес многократно вспоминавшиеся потом слова: «Патриотизм не может быть ненавистью и не может накладывать долг, противный вере». Такое поведение вызвало многочисленные нападки украинских радикальных политических кругов.

***

Однако гораздо больше нападала на него — еще в те, австро-венгерские времена — польская сторона. Это было исторически обусловлено. Не всегда прямо высказывалась, но подспудно всегда присутствовала суть спора: существует ли в Галиции украинский народ или же только «русинское», греко-католическое крестьянское население, извечно составлявшее — и далее долженствующее составлять — часть политической польской нации? При тогдашнем состоянии коллективного сознания у большинства тамошнего населения — поляков, украинцев и евреев — и при отсутствии четких и недвусмысленных формально-политических критериев вопрос оставался открытым, а ответы на него носили характер субъективных деклараций. За политическую автономию Галиции в рамках Австро-Венгерской империи уже десятки лет боролись поляки, иногда оказываясь близко к цели. И когда

параллельно этому прозвучал лозунг украинской автономии Восточной Галиции, он сразу же стал политическим препятствием на пути польских усилий и в этом качестве был немедленно использован венскими сторонниками австрийского централизма: к идеям украинской элиты там отнеслись весьма дружелюбно. Таким образом, в польско-украинском споре появился третий партнер — Австрия. Он был далеко, но представлял власть и политическое статус-кво.

В такой конфигурации ответ на вопрос: украинский народ или русинские мужики — становился политически крайне важным и делал оппонентов в дискуссии политическими противниками. Надо было стать по ту или другую сторону баррикады. Митрополит Греко-католической Церкви сознательно стал на украинскую сторону, а занимаемый им церковный пост, не говоря уже о его личности, делал его духовным вождем украинского лагеря. А между тем он был родом из польской семьи, давно латинизированной, представлял высочайшую европейскую, западную культуру, мог быть «одним из нас». Несмотря на это он выбрал тот лагерь, стал нашим противником, тем более опасным, что был таким замечательным, таким благочестивым, таким, на которого трудно было нападать осмысленно.

Выходит, что уже тогда, накануне конца света, каким было начало мировой войны, Андрей Шептицкий был страшной неприятностью для поляков — и великим сокровищем украинцев.

Когда начиналась I Мировая война, которой предстояло положить конец монархии Габсбургов и задать всем ее жителям новые вопросы о том, кто они такие и к чему принадлежат, греко-католический митрополит Львовский Андрей Шептицкий был уже немолодым человеком; он приближался к концу четвертого десятка, а за спиной у него было 15 лет епископского служения. Уже 14 лет он стоял во главе своей Церкви и пользовался у украинского населения своей митрополии высоким авторитетом в вопросах как религиозных, так и национальных. Львовские и вообще галицийские украинцы в те времена обладали куда более развитым сознанием, чем их соотечественники в Российской империи; они чувствовали себя «украинским Пьемонтом» и войну между Австро-Венгрией и Россией воспринимали как шанс пробуждения, а может быть, и политического подъема братьев из-за границы. О независимости тогда еще никто не думал, но украинская автономия на землях, которые могли бы быть присоединены к Австрии после чаемой победы, была в

мечтах и планах вполне достижима. Тем временем война началась иначе — резким наступлением русской армии, которая осенью 1914-го заняла всю Восточную Галицию, часть Западной и через Карпаты вторглась в Венгрию. В течение нескольких месяцев российской оккупации велась насильственная русификация украинского населения, соединенная с нажимом на отказ от унии и переход в православие, подчиненное Русской Православной Церкви. Тот факт, что за это довольно короткое время нажиму поддались около 5% греко-католических приходов и около 10% их духовенства, показывает, что сознание своего вероисповедания не было в этой Церкви слишком высоким.

Сам митрополит после прихода русской армии был исключен из игры — его арестовали и сослали сначала в Киев, потом в Нижний Новгород, Курск и в конце концов в Суздаль и Ярославль, где он оставался интернированным вплоть до февральской революции. Однако принудительное пребывание в России не стало для него временем инертности. С 1907 г. он располагал специальными полномочиями (которые дал ему Папа Пий X «на всякий случай») распространять униатство в Российской империи, и вот сложились неожиданные обстоятельства, когда этими полномочиями можно было широко пользоваться. Весной 1917 г. митрополит появился в Петербурге и назначил первого в истории экзарха греко-католической Церкви в России — священника Леонида Федорова.

В октябре того же года митрополит уже был во Львове и включился в политическую деятельность, готовя провозглашение украинского государства в Галиции. Это совершилось годом позже, 1 ноября 1918 г., когда на развалинах австро-венгерской монархии во Львове было объявлено о создании Западно-Украинской Народной Республики. Против этого акта немедленно выступило польское население Львова, прежде всего польская молодежь — знаменитые львовские «орлята». Город стоял в огне. Митрополит, духовный вождь украинцев, был интернирован с польской стороны фронта.

Жизненный выбор между польской и украинской ориентацией Андрей Шептицкий сделал гораздо раньше, вероятно еще за четверть века до этого. Однако тогда, будучи австрийским подданным, он выражал свое личное ощущение национальной принадлежности. В ноябре 1918 г. тот же выбор был политическим самоопределением: надо было стать на украинскую сторону против Польши или на польскую — против Украины. Так шла история. Митрополит выбрал

Украину, его родной брат генерал Станислав Шептицкий стал на сторону Польши. Над этим можно задуматься.

С тех пор конфликт митрополита с польским государством стал неизбежной повседневностью. Бои за Львов кончились победой Польши через несколько дней, борьба за принадлежность Восточной Галиции польскому государству шла намного дольше. Историческое сопряжение церковных и национальных категорий привело к тому, что любое развитие греко-католического пастырского окормления могло вызывать, а практически часто и вызывало тревогу польской администрации. И точно так же любой шаг властей, направленный на культурную или политическую ассимиляцию украинцев в польском государстве, мог ослаблять и часто ослаблял их духовную связь с греко-католической Церковью. Волей неволей причинно-следственные связи между религиозностью и политическими позициями оказывались весьма сильными. В результате украинские греко-католические священники, в период острых национальных конфликтов 1918–1920 гг. ставшие на украинскую сторону, оказывались политзаключенными в польских тюрьмах, а выступавший в их защиту митрополит не пользовался кредитом доверия ни у властей, ни у львовских поляков. Это сопряжение воздействует даже на отношения внутри епископата. Польские епископы латинской Церкви — архиепископ Бильчевский, епископ Адам Сапега — и первоиерарх Армянской католической Церкви архиепископ Юзеф Теодорович стремились противодействовать митрополиту Андрею Шептицкому и принижать его позицию в глазах Ватикана.

В 1920–1923 гг. митрополит находился за границей. Первый этап его путешествия — Рим, где он несмотря на интриги польских епископов приобрел доверие Папы Бенедикта XV и был назначен визитатором греко-католических приходов и миссий в Америке. Тамошние греко-католики — это, разумеется, украинские эмигранты, уехавшие за океан еще в австро-венгерские времена. «Визитация» их приходов — это в первую очередь пастырское окормление, но сразу вслед за этим — политическая деятельность. На дворе 1921, потом 1922 год — на международном форуме решается, чем станут земли бывшей Восточной Галиции — независимой Западной Украиной или частью польского государства. Первое дело — мобилизация эмигрантской общественности, второе — антипольская политическая деятельность в США. Эта деятельность продолжалась вплоть до марта 1923 г., когда Совет послов несмотря ни на что признал за Польшей территории до

самой реки Збруч. По ту сторону Збруча — Советский Союз. Независимой Украины больше нет.

В таких обстоятельствах возвращаться во Львов было нелегко — как политически, так и душевно. Митрополита задержали на границе, и перед тем, как вернуться в свою митрополию, ему пришлось нанести официальный визит президенту Речи Посполитой. Встреча состоялась в Спале, а ход ее стал предметом исторических споров: принес ли тогда митрополит торжественное обещание лояльности польскому государству или же этот акт состоялся только после подписания конкордата между Ватиканом и Польшей (1925), когда такую присягу приносили все епископы.

Вторая половина 1920-х, пожалуй, была временем сравнительно спокойного и вместе с тем плодотворного пастырского труда митрополита. Национальная напряженность на его территории снижалась, общественно-просветительская деятельность и развивающаяся сельская кооперация приносили украинскому населению хорошие экономические и культурные результаты. Однако этот период резко закончился в 1930 году. У нового конфликта причины были с обеих сторон.

Политические настроения украинцев радикально обострились. Противостояние политике польского государства расширилось, но прежде всего стало выражаться в новых методах действия. Молодое поколение, во всей Европе выбиравшее всё более радикальные политические шаги, пренебрегало принятыми парламентарными нормами, искало иные пути демонстрации своей силы. Украинская молодежь обратилась к террористическим актам против представителей польской администрации и местных властей.

А власти в тот же самый период перестали стесняться себя принципами демократии и формальными предписаниями относительно гражданских свобод и категоричней, чем прежде, требовали повиновения. Это тоже была общеевропейская черта эпохи. Всякую оппозицию считали подозрительной, а каждый теракт вызывал жестокое усмирение и слишком широкомасштабные полицейские преследования. В результате размах конфликта рос с устрашающей быстротой. Политическая атмосфера значительно ухудшилась.

Митрополит не мог и не хотел оставаться пассивным. Его деятельность пошла в трех направлениях. После усмирений 1930 г. он предпринял интенсивные переговоры с властями в Варшаве, встречался с Юзефом Беком, Фелицианом Славоем-

Складковским и Валерием Славеком, т.е. на высшем уровне принятия решений о внутренней политике государства. Своих собеседников он убеждал в бессмысленности расширения борьбы с политическими террористами на широкие круги украинской деревни, где не вполне понятные усмирительные действия полиции только распространяют украинско-польский конфликт вширь.

Вторым направлением деятельности митрополита были его пастырские послания духовенству и мирянам греко-католической Церкви, где он все четче остерегал от соблазна политического терроризма. Его призывы опирались прежде всего на религиозные и нравственные принципы; митрополит указывал, что применение террористических методов лишает украинские идеи их ясных нравственных обоснований. Такие обращения митрополита, пользовавшегося у украинцев самым высоким нравственным авторитетом, начиная с осени 1930 г. повторялись до самой II Мировой войны и в ходе ее и становились все более категоричными. За короткое время предостережения против нарастающего национализма и терроризма стали главным нравственно-социальным содержанием его пастырских поучений.

Третьего рода деятельность проявилась в создании новых центров формирования общественных позиций среди лучших людей греко-католической Церкви. Это были Украинский католический союз со своим органом печати, еженедельником «Мета», и создание на всей территории метрополии отделений организации «Католическое действие». Эти организации, которые были, кстати, украинским отражением общей воспитательной волны, шедшей в 30-е годы через всю католическую Церковь, создавали идейную альтернативу широко распространенным лозунгам украинских националистов.

Вся эта деятельность, предпринятая крайне заслуженным, но в 1935 г. уже ступившим на порог восьмого десятка митрополитом, из-за неизлечимой болезни прикованным к инвалидной коляске, все же оказывалась малоубедительной для радикально настроенной националистической молодежи, жаждущей борьбы. Недоброжелательная политика польского государства тоже не помогала призывам к умеренности. В результате Шептицкий постепенно терял свой огромный духовный авторитет. Или, может быть, было иначе: его авторитет повышался в кругах сознательных греко-католиков, но заглушался на улицах и проселках. Там правили националисты.

Правили и сначала осторожно, потом все громче выступали против старика-митрополита, который-де уже не понимает новых времен и необходимости радикально стоять против поляков. В кругах ОУН (Организации украинских националистов) зазвучали даже голоса, говорившие о необходимости отделиться от Ватикана, митрополита и епископов и создать украинскую национальную Церковь, которая не будет раскалывать идеологическое единство украинцев. В этом контексте стоит напомнить, что самые активные центры украинской политической эмиграции тех времен — это был конец 1930-х — функционировали в гитлеровской Германии...

Начало II Мировой войны ознаменовало еще одну границу эпох. 1 сентября 1939 г. митрополит направил посылку священникам, предлагая им противодействовать немецкой пропаганде среди их мирян и обращать особое внимание на молодежь, уберегая ее от участия в потенциальных антигосударственных провокациях. При немалой тогда распространенности пронемецких настроений в украинских кругах такое выступление весьма подчеркивало лояльность Шептицкого по отношению к польскому государству, с которым он раньше вел серьезные бои.

Между тем после 17 сентября во Львове появились уже не немцы, а Красная армия. Для греко-католической Церкви это оказалось совершенно непредвиденным ударом. Три следующих письма митрополита, отправленные в Ватикан из-под советского господства, позволяют констатировать, как тогда складывалась картина сложившегося положения. Центр тяжести лежал не на судьбе самой Церкви как института, но на более широкой общественной ситуации. Советские власти, входившие во Львов под лозунгом «освобождения западных украинцев», тут же дезорганизовали всю жизнь местного сообщества. И в то же время применение трех методов: ликвидации всех польских государственных учреждений, весьма широкого политического террора с массовыми арестами и необузданного грабежа всех материальных благ — парализовало город и страну. На этом фоне греко-католическая Церковь, хоть и лишенная большинства нормальных свобод, материально ограбленная и подрываемая арестами духовенства, еще могла существовать. В письмах Шептицкого подчеркнута не столько рационально организованная враждебность, сколько безумный разрушительный хаос, характеризовавший советскую политику.

Ужас, который вызывала у населения эта политика, и ненависть к советским захватчикам — все это после 22 июня 1941 г. принесло свои плоды в виде энтузиазма, с которым поначалу встретили украинцы вступившую во Львов немецкую армию. Ощущение огромного облегчения испытывал и сам митрополит. В начале июля он приветствовал немцев в папырском послании как освободителей, а 6 июля, после провозглашения бандеровцами независимого украинского государства, принял почетный пост председателя Украинского национального совета. Не скроешь, что в тот момент это был недвусмысленный выбор политической ориентации во II Мировой войне: с Германией — против СССР. Независимая Украина должна была созидаться в лагере держав оси.

О серьезном историческом отношении к этой концепции свидетельствует написанное в январе 1942 г. письмо украинских политиков Гитлеру, где они протестовали против того, что украинцам не дают воевать с Советским Союзом, — вместе с прочими его подписал и митрополит...

Вскоре после этого украинская интеллектуальная и политическая элита осознала, что связывать украинский вопрос с немецким лагерем было ошибкой. Против Гитлера мобилизовалась огромная часть сил всего мира, а при этом немецкая политика по отношению к украинским чаяниям сводилась к практическому использованию их резкой антисоветской настроенности и интенсивному грабежу Украины. Украинцы могли быть для Германии только орудием, но не союзником и не партнером. Сам митрополит при этом обратил особое внимание на то, как выглядит дальнейшее пребывание в гитлеровском лагере с нравственной точки зрения, — и это склонило его ко всё более резким шагам. В феврале 1942 г. он написал письмо Генриху Гиммлеру, протестуя против уничтожения евреев. Такое выступление равнозначно радикальной атаке на всю идеологию немецкого национал-социализма. В августе того же года в письме Папе Пию XII Шептицкий необычайно резко осудил политику Гитлера и признался, что за год до этого совершил серьезную ошибку, приняв на веру гитлеровские заверения.

В 1942–1943 гг. начались и постепенно всё разрастались — в особенности на Волыни, но в какой-то степени и на территории галицийских епархий — нападения украинцев на села с польским населением. Лозунг «Ляхи за Сан» стал сигналом к террору. Эти факты составили предмет последних выступлений престарелого митрополита. В самых резких, в высшей степени категорических словах он запрещал

совершать или восхвалять политические убийства. Особенно известным примером, который произвел большое впечатление на украинскую общественность, стало его пастырское послание «Не убий» (ноябрь 1942). «Не убий» в устах митрополита — не только политическое предостережение, но еще и нравственный и религиозный призыв, подводящий итоги всему его учительству — начиная с осуждения террориста, который в 1908 г. застрелил наместника австрийской полиции Анджея Потоцкого.

Под конец войны это противодействие политическим убийствам стало главным содержанием поучений Шептицкого и предметом его активной деятельности. Это также и последняя тема его усилий по примирению украинцев и поляков. По его инициативе весной 1944 г. во Львове прошли тайные переговоры между представителями ОУН и АК, целью которых было прекратить взаимную борьбу накануне вступления на эту территорию общего врага — советской власти. Переговоры не привели ни к какому соглашению. Опасавшийся этого митрополит еще раньше — в августе 1942 г., в вышеупомянутом письме Папе, — драматически писал: «Для этой страны могло бы стать спасительным, если бы гонения привели к необходимости умереть за веру. Здесь очень нужны добровольно понесенные кровавые жертвы, чтобы вознаградить множество преступно пролитой крови». Весомость этих слов особенно ясна, если мы осознали, что это писал великий украинский патриот и учитель своего народа.

Митрополит Андрей Шептицкий умер вскоре после вступления во Львов Красной армии — 1 ноября 1944 года. Для Украины тогда начинались новые полвека неволи. Потерпел ли он в своей жизни поражение? Ответ на этот вопрос приходит лишь теперь. Он вдохнул в Церковь и народ, которым служил, нравственную силу, духовную озимь, которая только сейчас дает всходы. Чем она окажется, увидят его духовные правнуки.

ОТГОЛОСКИ ГОДОВЩИНЫ СМЕРТИ БРОДСКОГО

Словно тысячи рек умолкают на миг, на мгновение вдруг,
я запомню себя, там, в горах, посреди ослепительных стен,
там внизу, человек, это я говорю в моих письмах на Юг,
добрый день, моя смерть, добрый день, добрый день.

Этим строкам, написанным в 1961 г. юношей 21 года от роду, суждено было сбыться через 35 лет. Иосиф Бродский скончался 28 января 1996 года. Этот поэт не только в России “больше, чем поэт”... Не будет преувеличением сказать, что в Польше к Бродскому особое отношение. Его поэзия пришла в Польшу в переводах Виктора Ворошильского, Анджея Дравича, Станислава Баранчака, Катажины Кшижевской.

А стараниями Барбары Торунчик, главного редактора польского литературного журнала “Зешиты литерацке” (“Литературные тетради”), стихи “рыжего гения”, как любовно называли Бродского многие друзья, стали известны каждому польскому читателю поэзии. Не случайно номер этого журнала, вышедший в 10-ю годовщину смерти Иосифа Бродского, целиком посвящен его памяти.

— Как началась история творческих взаимоотношений Иосифа Бродского с вашим журналом?

— Иосиф Бродский сотрудничал с “Зешитами литерацкими” с самого начала существования журнала. Он даже участвовал в его основании. Именно тогда мы с ним и познакомились в США. Это был рубеж 1981–1982 года, время введения в Польше военного положения. Польские события очень нас сблизили. Бродский невероятно Польшей интересовался, очень мне помогал, не только профессионально, но и в личном плане. Я была совершенно подавлена, чувствовала себя очень одиноко — то ли эмигрантка, то ли беженка... Было неизвестно, какая судьба ожидает выехавших из страны. С другой стороны, нас очень сблизило беспокойство о положении литературы в той политической обстановке. Я была связана с польским подпольным издательским движением, о чем Бродский знал. Независимое издательство НОВА, которое я тогда представляла, издало в это

время сборник стихотворений Ахматовой, и накануне нашей первой встречи с Бродским я как раз получила его из Польши. Знаете, первое, что я сделала во время нашей встречи, — в каком-то безотчетном порыве протянула ему эту книгу. И оказалось, что это был лучший ключ к Бродскому, ведь сейчас все мы знаем (а я тогда еще не знала), насколько важной личностью в его жизни была Ахматова... В то время в связи с тем, что происходило в Польше, представители эмиграции из стран Восточной Европы старались как-то поспеть за развитием ситуации в “нашем бараке”, и мы часто говорили с Бродским не только о политической ситуации, но и о литературе в нашей стране. Надо сказать, что тот период стал поворотным моментом в формировании политической мысли эмиграции из восточноевропейских стран. Впервые дело дошло до объединения в нашей деятельности и живого практического интереса к тому, что происходит друг у друга. После поражения “Солидарности” можно было подытожить печальный опыт. Ведь это была уже не только интервенция в Афганистане, не только крах “пражской весны”. Подавление “Солидарности” стало крушением надежд на то, что где-то у нас можно обрести свободу, не вводить советские войска и не начинать репрессии. Поэтому все мы так нуждались друг в друге, чтобы сообща думать, что делать дальше. Следует отметить, что где-то с конца 70-х в польских эмигрантских кругах зрела и развивалась мысль, что о будущем стран Восточной Европы надо мыслить не только в политических, но и в философских, религиозных, культурных категориях. Об этом много говорил, например, Чеслав Милош, связанный с парижской “Культурой”. В ту пору в связи с польскими событиями это издание сильно политизировалось, и от этого несколько страдал литературный аспект. Наверное, именно поэтому я подумала об основании журнала строго литературной направленности, чтобы не отрывать политическую мысль от литературно-философской, мыслить более глубокими категориями, в более далекой перспективе. Так совпало, что и Бродский как раз в то время имел отношение к основанию русского литературного журнала в Нью-Йорке, а значит, мы шли по одному пути.

— Когда в 1993 г. Бродский был в Польше в связи с присвоением ему степени почетного доктора Катовицкого университета, он сказал, что Польша для него — понятие не только и не столько географическое, сколько духовное. Со своей стороны Збигнев Херберт, узнав о смерти Бродского, в письме к Станиславу Баранчаку после слов “Я потрясен...” написал, что хоть Бродский и не был его близким другом, но он всегда питал к нему чувство большее, чем дружба, — духовное братство. Подобное чувство испытывала значительная часть польской ин-

теллигенции. В чем вы видите корни духовного родства, взаимного притяжения двух явлений — поэта Бродского и страны Польши?

— Мне кажется, что проблемой номер один поколения Бродского и самого Бродского было установление связей с великим духовным наследием европейской цивилизации. Поэт часто напрямую говорил об этом... Родившийся в 1940 г., воспитанный в советской системе, он рос полностью изолированным от этого наследия. При этом Бродского уже смолоду характеризовала невообразимая тяга к европейской культуре и тоска по ней. Это можно назвать попросту голодом. И мы, рожденные после Ялты, позже оказавшиеся за Берлинской стеной, переживали то же самое. Мы нуждались в доказательстве, что этот настоящий мир существует. Я говорю о формировании некой духовной вселенной... Для Бродского таким первым заграничным резервуаром духовности, первым “европейским связным” стала Польша, польская литература, его польские друзья, писатели и поэты — классики и современники, которых он переводил. В свою очередь для поляков Бродский был как гениальным поэтом и эссеистом, так и живым воплощением личной и творческой независимости.

— Что же содержится в номере “Зешитов литерацких”, посвященном памяти Бродского?

— Номер, который мы издали и посвятили Бродскому в 10-ю годовщину его смерти, — не первый, связанный с ним. Мы очень много печатали и самого Бродского, и о нем. Позади у нас 23 года тесного сотрудничества с Бродским. Были целые годы, когда “Зешиты литерацке” печатали эссе Бродского еще до того, как они появлялись в России и даже во Франции. Все основные тексты Бродского, и поэтические, и публицистические, и литературоведческие, мы опубликовали еще при его жизни. Поэтому делая сейчас номер к этой печальной годовщине, я должна была задать себе вопрос: что дать, чтобы не повторяться и одновременно остаться в атмосфере его мыслей и чувств? В результате получился номер, который я бы назвала “Дыхание России”. Его концепция состояла в том, чтобы собрать материалы, дающие представления о том, чем была жизнь в России для таких авторов как Бродский и Цветаева — важнейший для Бродского поэт в литературном аспекте.

Стоит добавить, что кроме очерков самого Бродского и стихов Цветаевой в последнем номере “Зешитов литерацких” есть и публикации польских авторов об этих поэтах, об атмосфере Петербурга, о взаимоотношениях в литературных кругах России и многое другое, что связано с миром русской поэзии.

Беседу вела Ирина Завиша

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• “Если взять сегодняшнюю газету и почитать о проблемах с терроризмом, с контролем над Интернетом или с генетически модифицированными продуктами, нам будет трудно найти тему, которой не предвидел бы Станислав Лем. Все мы живем сегодня в одном из его романов”, — написал после смерти писателя Войцех Орлинский. Лем был необыкновенным человеком и необыкновенным писателем. Его книги издавались во всем мире — говорят, что их общий тираж достиг 27 млн. экземпляров. Они были переведены на 41 язык. На своем интернет-сайте он написал: “Меня раздражает зло и глупость. Зло вытекает из глупости, а глупость кормится злом (...) Вся история человечества — это лишь доля секунды на геологических часах. Мы живем в темпе невероятного ускорения (...) Располагая все более мощными технологиями, мы все хуже контролируем направление, в котором они идут”. Писатель и философ, автор книг, не поддающихся жанровой классификации, Лем был также человеком необычайной восприимчивости ко всему, чем живет мир. Он был чрезвычайно популярен в России, и именно своим русским читателям, приглашенным побеседовать с писателем в Интернете, он посвятил свой последний фельетон в “Тыжднике повсехном”, напечатанный в прошлом номере “Новой Польши”.

• “Бальтазар. Автобиография” — так называется последняя книга Славомира Мрожека, автора замечательных рассказов и драматических произведений, пожалуй, самого популярного современного польского драматурга. “Бальтазар” — это своего рода психотерапевтическая книга, написанная Мрожеком после тяжелого инсульта. Работа над ней позволила ему вернуться к жизни и полностью восстановить свою писательскую форму. “В этой книге Бальтазар (т.е. Мрожек) подводит итоги своей жизни (т.е. считает) и оценивает самого себя (т.е. взвешивает), — пишет в предисловии Антоний Либер. — Поскольку у него нет никакого царства и делить ему нечего, он делится тем, что у него есть, то есть своей мудростью. А мудрость говорит: наше внутреннее единство обеспечивают память и язык. Вот единственное царство человека”. И еще два признания самого Мрожека. В беседе с Катажиной Кубисёвской он сказал: “Смерть для меня — что-то очень естественное. Я не вижу в ней никакого

табу или проблемы, никакого “скандала”, столь милого сердцу классиков экзистенциализма. В этом смысле мне можно верить, так как я умирал не от избытка воображения, а с согласия медицинской науки, которая очень удивилась, когда я в конце концов все-таки не умер”. Второе признание сделано на страницах “Бальтазара”: “Что бы я ни написал в будущем, нет никаких сомнений, что я принадлежу Польше. А ведь еще совсем недавно бывало по-всякому”.

- Прошедший в этом году в одиннадцатый раз поэтический фестиваль “Порт Вроцлав” становится одним из самых значительных в Польше литературных событий. Организатор и душа фестиваля — директор издательства “Бюро литерацке” Артур Буршта. В этом году во Вроцлав приехали гости из Белоруссии и с Украины, а главным событием стала презентация антологии русской поэзии “Мои русские” в переводе скончавшегося десять лет назад Виктора Ворошильского. “Книга Ворошильского, охватывающая почти 200 лет русской поэзии, на долгие годы останется точкой отсчета для читателей и исследователей литературы наших восточных соседей”, — сказал Буршта. По мнению же поэта и критика Кароля Малишевского, эта книга — “квинтэссенция русского духа”, необыкновенное свидетельство восхищения инаковостью и близостью соседа, судьбами поэтов и стихов”. (См. также беседу Натальи Ворошильской с Артуром Бурштой на стр. ?? и статью Анджея Мандальяна на стр. ?? этого номера.)

- Премии журнала “Пшеглэнд вхсходний” (“Восточное обозрение”) за лучшие публикации по истории и современности Восточной Европы и России (в пределах бывшего СССР) получили: Тадеуш Эпштейн — за книгу “С пером и палитрой. Интеллектуальные и художественные интересы польских помещиков на Украине во второй половине XIX века”; Гжегож Грыцюк — за книгу “Национальные и демографические изменения в Восточной Галиции и на Волыни в 1931–1948 годах”; Влодзимеж Менджецкий — за книгу “Польская интеллигенция на Волыни в межвоенный период”; Ежи Рогозинский за книгу “Святые, флагелланты и красные ханы. Перемены в мусульманской религиозности в советском и постсоветском Азербайджане”.

- В списке бестселлеров все снова пришло в норму. Лидирует Иоанна Хмелевская со своей “Бледной спирохетой”, а в спину ей дышат Мария Нуровская (“Две любви”) и новенькая — Мария Мадера (“Друзья”), о которой Анджей Ростоцкий пишет: “У этой молодой и, судя по фотографии, привлекательной женщины есть талант. В своем очень краковском романе она поражает читателя трезвостью наблюдений, самоироничной от-

страненностью и непринужденным чувством юмора. История группы друзей, естественной средой обитания которых была пивная “Печальный Банась”, рассказана изящно и с обаянием”. В категории документальной литературы впереди книга Марек Лясоты “Донос на Войтылу” — первая публикация, основанная на материалах спецслужб ПНР, собранных на протяжении нескольких десятков лет слежки за епископом и кардиналом. “Это оптимистическая книга, ибо она доказывает беспомощность огромного аппарата насилия перед лицом такой малости, как человеческая совесть”, — пишет все тот же Анджей Ростоцкий.

- Как пишут авторы “Биографического словаря истории Польши”, “главная цель этого труда — предоставить читателю основные, популярно изложенные сведения о людях, которые оставили заметный след в истории польского государства. Мы старались смотреть на этот более чем тысячелетний период сквозь призму истории не только польского народа, но и всего жившего на этих землях сообщества и созданных им культурных богатств”. Новый лексикон — это два тома, пять тысяч биографических статей и почти сто авторов.

- На X Пасхальный Бетховенский фестиваль съехалась целая плеяда замечательных исполнителей, среди которых звездами первой величины были музыканты оркестра Санкт-Петербургской филармонии — старейшего в России симфонического оркестра. Концерт для виолончели с оркестром ми-бемоль мажор, соч. 107 Дмитрия Шостаковича в сотую годовщину со дня рождения композитора исполнила выдающаяся виолончелистка Наталья Гутман. А Эльжбета Пендерецкая, инициатор и душа фестиваля, сказала на церемонии открытия: “Культура делает мир более человечным, облагораживает его, сплавливает любое общество”.

- В Варшаве на 77-м году жизни скончался Аугустин Блох — известный композитор (“Остробрамская литания”, балет для детей “Крепко спящая красавица”) и организатор музыкальной жизни, многолетний председатель программной комиссии “Варшавской осени”.

- Уже 40 лет существует “Галерея Фоксаль” — одна из самых маленьких галерей Варшавы, в которой выставляются самые крупные мастера. Это была первая польская галерея, получившая признание на Западе. В ПНР она была вне конкуренции, но и сегодня у нее остаются верные поклонники. О ее первых шагах рассказывает один из ее основателей, а ныне директор Веслав Боровский: “Все началось со встреч в кафе. Мы были группой непокорных художников и критиков, и нас интересовало

искусство, отличавшееся от того, что выставлялось в государственных выставочных залах. Правда, политические репрессии уже кончились, но с властями надо было считаться”. В числе основателей галереи были такие выдающиеся мастера, как Генрик Стажевский, Тадеуш Кантор и Эдвард Красинский. Здесь дебутировали, в частности, Леон Тарасевич и Мирослав Балка.

- “Откровение — так я назвала бы встречу с живописью Рафала Мальчевского, — пишет Моника Малковская. — Впервые после войны у нас появилась возможность увидеть его творения. Это самое интересное событие сезона в варшавском Национальном музее (...) Экспозиция позволяет нам понять феномен Закопане — некогда бедной деревни, а теперь царства снобов (...) Одним из поклонников Закопане был Рафал Мальчевский, сын [выдающегося художника] Яцека Мальчевского (...) Горнолыжник, альпинист и автомобилист, всесторонне одаренный и всем интересующийся непоседа, он передавал красоту гор не только в картинах (...) В 30-е годы критика провозгласила его самым талантливым и многообещающим польским художником (...) И сегодня его картины обращают на себя внимание своей необыкновенной атмосферой”.

- “Когда-то самым ярким графическим акцентом на наших улицах были художественные плакаты. Сегодня это гигантских размеров рекламы. Их трудно победить, но борьба продолжается, — пишет Агнешка Ковальская, комментируя выставку “Постеры пост-эры” в варшавском музее плаката. — Уличные партизаны, молодые художники, часто работающие под покровом ночи, рисуют красками и спреем, расклеивают свои собственные рисунки и плакаты”. Именно этим произведениям посвящена выставка, с открытия которой началось празднование 40-летия Биеннале плаката.

- Между тем в Париже на аукцион были выставлены плакаты авторства одного из старейших польских мастеров, умершего десять лет назад Романа Цеслевича. Часть наследия великого художника купили музеи Познани и Варшавы.

- 18 апреля на польском рынке появилась новая ежедневная газета, которая называется просто “Дзенник” (“Ежедневная газета”) и финансируется концерном Акселя Шпрингера, издающего уже прижившиеся у нас еженедельник “Ньюсуик” и газету “Факт”. Неизвестно, будут ли у новой газеты читатели, но одна лишь весть о том, что она будет издаваться, заставила господствующую на польском рынке “Газету выборчу” снизить цену почти вдвое. Так что нам, читателям, это уже принесло пользу.

- Хотя Конституционный суд пришел к выводу, что новая руководительница Всепольского совета по телевидению и радиовещанию была назначена на свою должность незаконно, та уже начала свое нелегальное правление — с наложения штрафов за аморальные программы. Огромные штрафы были наложены на два крупнейших в Польше частных телеканала — “Польсат” и ТВН. Безданно остаются лишь СМИ отца Рыдзика, так как их ошибка заключается не в моральной, а в политической “некорректности” (так эвфемистически называются антисемитские выступления). Может быть, это свидетельствует о том, что политика перестает играть на польской публичной сцене какую бы то ни было роль?

- В этом году присуждаемые журналистам премии им. Дариуша Фикуса получили начальник бизнес-редакции ТВН Роман Млодковский (в категории “творец СМИ”) и корреспондент газеты “Жечпосполита” в России Павел Решка (в категории “творец в СМИ”).

- В атмосфере поднятой СМИ шумихи судебный исполнитель наложил арест на помещение варшавского клуба “Le Madame”, где, в частности, проходили спектакли альтернативных театров, выставки, встречи и хэппенинги — зачастую спорные и даже скандальные. Формально судебный исполнитель имел на это право — у клуба была огромная задолженность по арендной плате. “Судебный исполнитель и полиция в “Le Madame” — вот символы отношения властей к культуре, — пишет Дорота Ярецкая. — Город, которому принадлежит помещение, установил такую высокую арендную плату, что владельцы клуба перестали справляться (...) Для одних культура — это комплекс государственных институтов (...) В такой культуре лучше всего то, что она прекрасно сама себя понимает. Поэтому необходимо ее поддерживать, давать ей дотации, устраивать празднества и торжественные церемонии (...) Для других культура там, где собрались люди (...) Но такая культура всегда готова на провокации, ведет себя вызывающе и идет, куда хочет”.

- В старой вилле в Константине-Езёрной под Варшавой расположился необычный музей — Storyteller Museum, Музей рассказчиков. “Движение за возрождение устного рассказа появилось во всем мире лишь потому, что люди нуждаются в разговоре, хотят посмотреть друг другу в глаза, поделиться тем, что у них на душе, — говорит хозяин виллы-музея Михал Малиновский. — Это почти физиологическая потребность. СМИ пытаются подменить ее эрзацами, но она возвращается. Людям, живущим вдали от родного дома, устные рассказы помогают найти корни, дают ощущение принадлежности к общине, воз-

вращают потерянное самосознание”. У Малиновского огромные планы. В его музей приезжают рассказчики со всего мира. Он ездит по миру с польскими рассказами. По словам польского поэта XVII в. Мацея Казимежа Сарбевского, “испанец по природе своей богослов, итальянец — философ, француз — поэт, немец — историк, поляк — оратор”.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

В последних обзорах я что-то чересчур увлекся политикой — значит, пришло время (хотя политический сезон у нас ужасно любопытный и даже попросту ужасный) вернуться к делам по-серьезнее. На этот раз я выбрал беседы с писателями.

На страницах новой газеты “Дзенник” (2006, №15), представляющей собой польский вариант немецкого “Вельта” и явно конкурирующей с “Газетой выборчей” (которая в борьбе за сохранение завоеванных позиций была вынуждена снизить цену — уже за одно это можно полюбить “Дзенник”), появилось интервью Цезария Михальского с Ярославом Мареком Рымкевичем. Стихи Рымкевича, переводчика Мандельштама, в рекламе не нуждаются — это, вне всякого сомнения, одно из самых оригинальных явлений послевоенной польской поэзии. То же, надо сказать, относится и к его эссеистике. Во всем его творчестве видно нарастающее с течением времени отмежевание писателя от того, что сегодня творится в европейской культуре, и ничего удивительного, что интервью озаглавлено: “Наша цивилизация сдыхает, как шелудивый пес”.

Сдыхает — не сдыхает, а почитать стоит:

“На территориях, которыми овладела западная цивилизация, литература извечно, с самого начала своего существования, была частью великого замысла — или, подходя несколько иначе, участвовала в различных великих замыслах этой цивилизации. Совершенно очевидным это стало с появлением в Европе христианства. Тогда воцарилось убеждение, что литература участвует в некоем великолепном этическом замысле, что она должна помогать Богу в процессе спасения людей — говорить им, где небо, а где ад и что надо сделать, чтобы оказаться там или там. Когда этот замысел потерпел крах и был отвергнут, потерпела крах и литература: она уже не знала, в чем ей участвовать. Смысл ее существования начал стираться, становился все более трудным для восприятия. (...)”

Участвуя в великих замыслах западной цивилизации, литература никогда не отождествляла себя с ними полностью. Часто бывало и так, что она готова была выступать против этих замыслов, считая их бессмысленными или репрессивными. Но

это тоже было своего рода участие (...) Такие великолепные проявления мужества в защиту цивилизации или против нее свидетельствовали о величии литературы, делали ее чем-то особенно влекущим — и для писателей, и для читателей. (...)

В XVIII и XIX веке, когда зло смешалось с добром, цивилизация породила новые замыслы, которые должны были осуществляться с помощью литературы. Вывод из этого таков: европейская цивилизация, которая сейчас сдыхает (как шелудивый пес) у нас на глазах, тогда была еще жива. Из разных замыслов стоит вспомнить появившуюся в XIX веке (а может быть, в конце XVIII) идею, которую можно назвать познавательной. Цивилизация, которой (по разным сложным причинам) не удалось познать и описать Бога, решила познать и описать самое себя. Это предполагало существование такой литературы, которая была бы изобразительной и реалистической и целью которой было бы осведомлять читателей о несомненном и неопровержимом существовании мира.

Последний великий замысел, который должен был гарантировать единство и осмысленность всей европейской литературы, был сформулирован во второй половине XIX века (хотя некоторые его элементы были известны намного раньше). Это был замысел исключительно эстетический, и стоило ему появиться, как стало ясно, что он предвещает западной цивилизации скорую смерть. Согласно этому замыслу, литература должна была быть красивой — и ничего больше; ей не было разрешено поучать, воспитывать, информировать, познавать, а также свидетельствовать о чем-то ином, нежели ее бескорыстная красота”.

Далее Рымкевич говорит, обращаясь к своему собеседнику:

“Можете ли вы вообразить какой-то общий замысел литературы, к осуществлению которого могли бы приложить силы и я, и какой-нибудь мой французский коллега, и еще какой-нибудь немецкий? Добавим еще арабского коллегу, который живет в Париже и потому тоже европеец. Такого замысла нет и не может быть. Сколько писателей сегодня в Европе? Ну, предположим, десять тысяч. И вот мы имеем дело с десятью тысячами замыслов — десятью тысячами представлений о том, чем должна быть литература и зачем ей существовать. Если бы эти десять тысяч замыслов представить в фонетической форме, мы услышали бы нечленораздельное бормотанье, визг, стон, скрежет зубовой и вой, вырывающиеся из десяти тысяч уст. (...)

Если вы меня спросите, зачем истолковывать литературу, то я отвечу, что истолкование вообще следует запретить: свобода истолкования разрушила единство и связность европейской цивилизации. Остались лоскуты убеждений. Моих убеждений никто не разделяет. Ветер еще носит обрывки былых верований. Зато уже не существует никакого замысла, который позволил бы писателю общаться с читателями и (что важнее) с литературой в целом, со всем ее прошлым и всей ее красотой. (...) У меня, конечно, есть свой писательский замысел, но есть и сознание, что мой замысел ни с чем здешним не связан: это исключительно мой частный замысел. И он составляет часть этого визга и скрежета зубовного. Иногда, желая себя утешить, я себе говорю: конечно, существует великий замысел, с которым ты связан, — это общий замысел Кохановского, Наборовского, Карпинского. Но это одни лишь утешения. Согласно моему замыслу, писать стоит (то есть процесс письма есть некоторая ценность в мире без всяких ценностей), ибо только так я могу самому себе отдать отчет в своем опыте. (...) Могу самому себе о нем рассказать — и через рассказ понять его. Это, собственно, уже исчерпывает мой замысел, ибо я не сумею ответить на вопрос, зачем я хочу понять собственный опыт. (...) Без рассказа ничего понять не удастся — рассказ остается необходимым условием. Хорошо еще (хоть я и не знаю, почему) зарифмовать рассказ. Поэтому именно поэзия кажется мне хорошим способом отдать себе отчет в своем собственном существовании. Но я не знаю, нужно ли сегодня кому-нибудь (кроме меня самого) то, что я таким образом отдаю себе отчет в своем существовании и рассказываю, как я существую (тут, в этом саду в Милянвеке)".

И в заключение:

“Мы могли бы представить себе (вопреки тому, что я сказал раньше) какой-нибудь великий литературный замысел, на котором нам, быть может, удалось бы базировать европейскую литературу; он предполагал бы, что смысл и цель занятий литературой состоит как раз в том, чтобы отдать себе отчет в опыте нашего существования, или, иными словами, поддерживать и укреплять великое сообщество бытия — сообщество животных, растений и людей. В рамки такого замысла и я с моими стихами неплохо бы влез. Но это должно было бы соединяться с каким-то огромным и мощным замыслом всей цивилизации, ибо тогда следовало бы также (и прежде всего) предположить, что бытие или жизнь — это какая-то ценность, а теперь этого (в Европе) сделать уже не удастся, такая посылка невозможна. Потому-то судьба этой цивилизации уже решена

— и какие-то другие существа вскоре возьмутся здесь за работу”.

Когда я читал эти слова, мне вспомнились статьи и ученые труды великого знатока России Мариана Здоховского, одним из ключевых понятий которого был цивилизационный пессимизм. Быть пессимистом, чтобы в конце концов победить. Этим путем потом пошли Виткаций, представители “второго авангарда” с Милошем и Чеховичем, в последнее время — Лем. И когда Рымкевич выражает свою неуверенность в том, интересен ли кому-нибудь его замысел, то я задаю сам себе вопрос, зачем же он посылает книги издателю, зачем издатель их выпускает и, в конце концов, откуда этот успех, которым поэт пользуется у читателей...

Очевидной проблемой остается функционирование литературы в контексте массовой культуры, в этом жутком ускорении, производящем все новых “звезд”, в плавильном котле, где смешиваются языки. Выражая свое отношение к этим явлениям, Кшиштоф Карасек, один из ведущих поэтов круга, называемого “новой волной” или “поколением 68-го года”, в интервью, озаглавленном “Поэты не ходят гуртом...”, которое взял у него Петр Шевц (“Нове ксёнжки”, 2006, №5), констатирует:

“Для меня (...) красной тряпкой была массовая культура. Я, кстати, и не считаю ее культурой — это культурная индустрия. Если очень хорошего писателя или очень хорошего художника включить в распространение массовой культуры, это приводит — при иллюзии социальной весомости — к своего рода протитуированию произведения. Произведение обычно стоит на распутье: пишешь или рисуешь для тех, кого знаешь, но и для тех, кого не знаешь. Есть поэты, которые пишут замечательные стихи, но творчеством эти стихи я бы не назвал. Это литературная продукция. Высокой пробы. Творчество состоит в том, что пересматриваешь самого себя, свои предыдущие достижения. А тут мы имеем дело с прекрасно упакованными, но пустыми продуктами. Это не творчество, а повторение. Ибо повторение, умножение — это и есть суть массовой культуры, в то время как суть творчества — неповторимость. Можно написать десять стихотворений “на одну и ту же тему”, но зачем? Пшибось требовал выбирать из них одно — лучшее. Отбор происходит как в сфере слова, композиции, так и самих уже написанных текстов. Пшибось говорил, что стихотворение есть одноразовый акт: хороший поэт не может написать двух аналогичных стихотворений. Другое, чего я не люблю, — это молодежная культура, этот неряшливый язык, из которого каждую минуту выныривает какой-нибудь „блин”. Масловская (которую мы

представляли на страницах “Новой Польши”. — Л.Ш.) считается великим открытием, в то время как это литературный сорняк. Эта биология, литературная „эмпирика” — пройдет. Те польские поэты, которые подражали Аллену Гинзбергу (и другим „поэтам улицы”), в польском языке совершенно не слышны”.

Рымкевич родился в 1935 г., Карасек — в 1937-м, но так получилось, что Рымкевич дебютировал как представитель “поколения 56-го года”, а Карасек — 68-го. Может быть, стоит почтить, что имеет сказать автор помоложе — прозаик Мацей Дайновский, автор двух сборников рассказов, доброжелательно встреченных критикой. В интервью краковскому ежеквартальному журналу “Студиум” (2006, №2), отличающемуся высокой культурой издания, писатель, в частности, говорит:

“Я вообще смертельно серьезно отношусь к процессу письма. К „институту литературы” у меня идолопоклоннически набожное отношение (это, говорят, инфантильно). В связи с этим я пишу мало и с трудом (никаких оргазмов, скорее фрустрация и боли во всем нутре, отнюдь не в переносном смысле, а когда кончаю писать, то еще долго ничего не могу делать). Я совершенно серьезно думаю, что почтенную даму (литература наша из глухой провинции, но не из деревни!) не щиплют, разгоревшись похотью. (...) Потому что литература — это познание, а значит, еще и преодоление или переистолкование мыслительных и словесных схем. (...) Я, пожалуй, сознательно не произвожу своего читателя. Если же все-таки найдутся такие, кто захочет прочесть какой-то рассказ до конца, а может быть, даже когда-нибудь к нему вернуться, то я крайне доволен.

Металитературные моменты? Этого я, собственно, до конца не в силах объяснить. Ну да, они есть. Отчасти сознательно, отчасти — нет. Может, я так пробую вступить в диалог с великими литературными традициями (т.е. самовольно чуточку возвожу себя в высокое достоинство)? (...)

Слова должны помогать — а что еще им делать... И литература, вероятно, тоже для этого (из всей современной теории литературы сильнее всего я переживаю слова Рикера об этическом горизонте чтения). Это, пожалуй, скорее дело веры и убеждений, нежели логики. (...) С другой стороны, само сознание того, что слова — недостаточно гибкий медиум для передачи действительности, а всякое высказывание (в том числе и литературное) остается условностью, — это скорее бремя. Трудно сегодня говорить серьезные вещи серьезным тоном, и в этом в равной мер виноваты гуманитарные науки (примерно со времен Канта и Гумбольдта) и науки о природе (по крайней мере со времен

Эйнштейна и Гейзенберга). Таково наследие нашего времени: мир как будто ускользнул за пределы достижимости слова, за пределы достижимости культуры, базирующейся на этом слове. То есть его можно в слове реконструировать, но надо все время иметь в виду, что это реконструкция. Отягощенная ошибками — историей, социальной и даже политической обусловленностью, собственным несовершенством писателя. Ну и как тут не смеяться, даже если вовсе не до смеха? Современная картина действительности просто загоняет на иронические позиции. Но я думаю — это опять-таки больше вопрос убеждений, чем аргументов, — что литература так или иначе должна воздавать справедливость зримому миру. Ибо зачем тогда она вообще? Малыми шажками, общими усилиями мы приближаемся к какой-то истине, что-то раскрываем — пусть даже (жалкие) границы наших возможностей”.

И в заключение еще одно рассуждение Мацея Дайновского:

“Масса (имя им миллион) четвертьинтеллигентов, хорошо устроившихся в СМИ, именно таким (упрощающим, сокращающим. — Л.Ш.) образом понимает свои обязательства перед традициями — теми, что были, и теми, что будут, т.е. теми, которые мы все вместе создаем. У меня это отнюдь не вызывает смеха — скорее приводит в бешенство. Ты обратила внимание, что юбилей Мицкевича вообще не был отмечен телевидением? Даже государственным, „несущим миссию”? Минута в „Новостях”? Никто уже не нуждается в Мицкевиче даже по праздникам? Даже в 150-ю годовщину смерти? Мумифицировали человека, даже не дочитав до конца, и пусть себе покоится на Вавеле, хорошо, что мало места занимает? А может, нужно собрать денег на гроб побольше — было бы тогда на чем установить рекламный щит? Это даже не скандал, а обычное блядство”.

Вот и разбирайся. Сдыхает эта цивилизация (как шелудивый пес) или не сдыхает? Фактом остается то, что общения между литературной молодежью и старейшинами кот наплакал. Если бы Рымкевич, автор замечательного цикла книг в прозе о Мицкевиче, прочитал это интервью с младшим коллегой, может, он не так боялся бы за будущее? А может, все так же боялся бы — никогда не знаешь, как что сложилось бы.

В ЗАЩИТУ ЧЕЛОВЕКА

— Вы с женой оба варшавяне; у обоих за плечами семейные традиции, отражающие столь характерные для поляков судьбы. Дед пани Зофьи был сенатором Второй Речи Посполитой, бабушка, депутат Сейма двух созывов, погибла в Освенциме, родители сражались во время Варшавского восстания. А вас после восстания вместе с матерью вывезли в трудовой лагерь в Гросс-Розен. Как это повлияло на формирование вашей жизненной позиции, на ваше политическое самосознание?

— Несомненно, в любом доме существует определенная атмосфера, которой проникаешься. Я думаю, что в нашем случае это был еще и интерес к общественной жизни. Мы с женой встретились, когда нам было по 16 лет, то есть в 1956 году, когда в Польше начались серьезные перемены — ликвидация сталинизма. Тогда был распущен Союз польской молодежи [польский комсомол] и, по инициативе журнала

“По просту”^[1], в варшавском Дворце культуры и науки прошел съезд молодежи, на котором предстояло обсудить организационные формы. Мы там представляли самую младшую группу — школьников. Затем Зося занялась созданием харцерской дружины в школе, взяв за образец довоенные дружины Каминского^[2]. Во время венгерского восстания, которое пользовалось у нас большой поддержкой, она занималась организацией сбора лекарств и перевязочных средств для повстанцев. Я больше думал о том, чтобы организовывать интеллектуальные круги, о дискуссионном клубе, который, кстати, и был создан. Нами занимался выдающийся социолог Сташек Мантужевский^[3], рассматривая нас скорее как группу для сравнения, так как его интересовала главным образом “патологическая” молодежь. Потом наступил 1957 год, был закрыт журнал “По просту” и начались выступления молодежи на площади перед Дворцом культуры, в которых я участвовал. Вот так это начиналось. Мы оба с женой учились на физическом факультете, то есть наши общие интересы были весьма многосторонними — это и профессия, и общественно-политическая деятельность.

— Вы были одним из организаторов, а затем руководителем известной акции в Радоме. Расскажите, пожалуйста, в чем эта акция заключалась?

— Все началось с сообщения о забастовке в Урсусе^[4] [предместье Варшавы с большим заводом сельскохозяйственных машин “Урсус”]. В июле выяснилось, что рабочих за эту забастовку будут судить. Когда мы связались с их семьями, то увидели, как сильно эти люди напуганы и как они беспомощны, а рабочих, которые часто были единственными кормильцами в семье, увольняли без права восстановления, сажали в тюрьмы и порочили их имена в средствах массовой информации. Хенек Вуец мог предпринять что-то конкретное по этому делу, там были и люди из харцерской дружины “Черный отряд” — Антек Мацеревиц и Петр Наимский. Хенек начал писать заявления, я собрал деньги для оказания помощи; в Институте физики каждый, включая секретаря партийной организации, внес какую-то сумму. Таким образом в течение месяца возникла группа поддержки Урсуса, насчитывавшая около 20 человек. А через Урсус установились контакты с Радомом, так как участники тех и других событий вместе сидели в тюрьме. Оказалось, что там события носили гораздо более трагический характер. Первым в Радом отправился Богусь Студзинский, затем Мирек Хоецкий. Позже поехали мы с женой. В то время я писал кандидатскую диссертацию, но дело Радома было настолько важным, что о кандидатской пришлось надолго забыть. Я работал в Институте физики старшим ассистентом, и одновременно мы с женой подрабатывали репетиторством по математике и физике, что давало нам возможность ощущать некоторую материальную стабильность, какую-никакую, может, и довольно слабую, но стабильность. Это позволяло заняться делом Радома — предпринять самые необходимые действия: поехать туда и узнать, кто где сидит, за что сидит, был ли процесс, к какому сроку приговорили, отвезти кое-какие деньги. Тяжелая работа — с точки зрения времени и расстояния: утром у меня была работа в Институте, после обеда занятия, а потом я отправлялся в Радом, откуда возвращался в два часа ночи, чтобы утром снова заняться работой. Нам удалось выяснить несколько сот фамилий репрессированных. Наша радомская группа начала разрастаться, а тем временем Мирека Хоецкого арестовали, и основное бремя по координации всей деятельности легло на Зосю. В группу вошли люди, прежде не известные милиции, что было чрезвычайно важно — в том числе для тех, кому мы оказывали помощь, потому что “незасвеченные” не приводили за собой гэбэшных хвостов. Позднее была объявлена амнистия, после которой в тюрьме осталось лишь пятеро арестованных. Нам пришлось заниматься ими и дальше.

— Это положило начало деятельности Комитета защиты рабочих (КОР), а затем и деятельности Бюро помощи Комитета общественной самообороны КОР (КОС-КОР), который вы возглавили вместе с женой.

— 23 сентября 1976 года был создан Комитет защиты рабочих. Принцип был такой: если кто-то попался и был арестован, его включали в группу наших подопечных. В декабре начали работать первые копировальные машины, на которых мы печатали листовки — прежде их печатали в небольшом количестве на пишущих машинках. Бывали опасные ситуации. Во время встречи в доме Хелены Лучиво явилась милиция и арестовала на 48 часов буквально всех, кого застала. Другая встреча проходила в нашей квартире. Мы выработали систему защиты в таких ситуациях — приглашали иностранное телевидение. Под прицелом их камер и микрофонов господам в синих мундирах было весьма сложно безнаказанно с нами расправляться.

На адрес профессора Липинского^[5] приходило очень много жалоб, причем это касалось не только Урсуса и Радома, жалобы поступали со всей Польши. В связи с этим в сентябре 1977 года мы решили учредить Бюро помощи. Его учредителями были Кристина и Стефан Старчевские, но потом они занялись преподавательской деятельностью, поэтому мы взяли на себя все заботы по организации его работы.

В результате у нас дома были установлены подслушивающие устройства, а жена получила анонимку, что я езжу в Радом, потому что у меня там несколько дам... Бюро занималось оказанием помощи арестованным и тем, к кому применялись другие репрессии, — безусловно, в ограниченных рамках, ибо мы сами зачастую подвергались репрессиям. Чрезвычайно важной была возможность передавать информацию на Запад, главным образом на радио “Свободная Европа”. Если кого-то арестовывали, информация немедленно передавалась и объявлялась по радио, так что человек не пропадал без следа; о нем знали, помнили, поэтому он мог рассчитывать на своего рода защиту. Роль передатчика информации взял на себя Яцек Куронь. Он звонил в Париж Алику Смоляру, который и передавал информацию дальше, на “Свободную Европу”. Мы действовали открыто, наши телефоны и адреса были известны, собственно, позвонить мог любой. Случались гэбэшные фальшивки, но мы, как правило, поступающую информацию проверяли тщательно, поэтому фальшивки не возымели никакого действия. Особенно трагическими были дела истязаемых и даже замученных во время допросов. К нам

обращались жены и матери жертв. Таких дел у нас появилось в то время около тридцати.

Подслушка затрудняла нашу повседневную жизнь. В доме разговаривать можно было разве что о погоде. Мы не могли даже посплетничать по поводу знакомых, понимая, что любая информация такого рода может быть использована против них. Но вместе с тем это позволяло некоторым образом влиять на дела — ведь нас подслушивали на довольно высоком уровне. Наверное, самым лучшим примером может послужить люблинское дело детишек 10–12 лет. Эти ребята нашли книжку квитанций, заполнили квитанции лозунгами “долой ПОРП!”, “долой коммуны!” и разбросали их по почтовым ящикам. Во всех люблинских школах устроили диктант и на основании графологической экспертизы вычислили этих детей. Дело слушалось в суде по делам семьи, детей припугнули, что их отберут у родителей. У нас уже были готовы адвокаты, чтобы ехать в Люблин, когда я позвонил Яцеку Куроню и сказал: “Красные пауки уже совсем рехнулись, детей судят”. Мы оба довольно решительно высказывались в том же духе, и после этого дело вдруг было прекращено. Просто кто-то компетентный сидел на подслушке и передал наше мнение, объяснив вышестоящим, что таким образом они выставляют себя на посмешище. Подобным же образом решилось и дело одного пастора, который переправлял в СССР Библии. Его арестовали, в подвале его дома нашли огромное количество экземпляров Библии. Мы по телефону вновь начали обсуждать, как можно ему помочь, говорили о том, что задействуем все Церкви, поднимется шум о гонениях на религию, и пастора отпустили.

— В интервью “Тыгоднику повсехному” Северин Блюмштайн упоминал, что КОР в своей работе обращался к российским образцам, что огромную роль сыграл самиздат и, в частности, “Хроника текущих событий”, но прежде всего идея служения обществу. Были ли у вас в то время контакты с российскими диссидентами?

— Среди нас был Виктор Ворошильский, имевший обширные контакты в России. Когда начало работать Товарищество научных курсов (ТНК), у нас преподавали и Ворошильский, и Анджей Дравич, иногда Северин Полляк. Это был период, когда польская русистика была на небывало высоком уровне, благодаря этому мы постоянно имели дело с лучшей русской поэзией и прозой.

Лично я впервые побывал в Москве в 1968 году. Я собирался работать там над кандидатской. Не получилось: необходимые

для моей работы лабораторные исследования, как оказалось, провел уже кто-то другой, то есть все научные выводы уже были сделаны. Но во время моего пребывания там я освоил русский язык и познакомился с обширной литературой самиздата. Это был период чрезвычайно широкого развития подпольной культуры, невероятной популярности бардов во главе с Галичем, Кимом, Высоцким и Окуджавой. Естественно, контакты с диссидентами были, но на уровне профессиональном, хотя бы Ворошильского — с теми, кого он переводил. Но диссидентских контактов в прямом значении этого слова в то время между нами не было. Такие контакты наметились и в Чехии — наша знаменитая встреча на Снежке в 1978 г. с “Хартией-77” во главе с Гавелом.

— Но в январе 1979 г. вы встречались в Москве с Андреем Сахаровым и его единомышленниками. Расскажите, пожалуйста, об этой встрече.

— Встреча готовилась в глубокой тайне, так как милиция не спускала с меня глаз. И тогда я подумал, что, возможно, у них теперь во всем неразбериха и они следят за определенными проторенными путями, в связи с чем мне удастся проскользнуть по другим каналам. Поэтому я решил поехать в Москву туристом, через турбюро “Орбис”. Добравшись до места, я начал искать косвенные контакты, пытался найти кого-то, кто бы мог привести меня к Сахарову. Не получилось. Тогда я попытался сделать это самостоятельно и просто пошел к нему домой. Дверь открыла его теща. Я прямо сказал, кто я такой. Оказалось, что Сахаров находится на даче под Москвой, но теща обещала передать ему информацию и одновременно высказала мнение, что он наверняка захочет встретиться со мной. Действительно, через день он мне позвонил и предложил встретиться у него дома. Я пришел поздно вечером. Он пригласил меня в кабинет и три четверти часа разговаривал со мной на чисто профессиональные темы. Я предполагаю, что таким образом он пытался проверить, на самом ли деле я физик, а не подставная фигура. Тем временем появился человек, который только что вышел из лагеря, и на следующий день у нас состоялась беседа. Результатом этого знакомства стали наши совместные выступления, заявления в защиту арестованных, а также попытка подготовить выступление о Катыни, которое, однако, не состоялось. А в декабре, как известно, Сахарова арестовали. Когда я просматривал папки со своим делом в Институте национальной памяти (ИНП), то не нашел никакой информации, касающейся моей деятельности за границей. Что было тому причиной? Возможно, госбезопасность не знала, с какой целью я уехал тогда на эти

несколько дней. В Москву я ехал поездом, обратно возвращался самолетом. На обратном пути меня сопровождал довольно мощный эскорт. На аэродром Окентье за ними приехала милицейская машина. Моя жена была уже уверена, что они заберут меня с собой. Но ничего подобного не произошло. Они сели в машину и уехали.

— На рубеже 1979–1980 гг. вы организовали Хельсинскую комиссию, осуществлявшую контроль за проведением в жизнь постановлений ОБСЕ. Комиссия опубликовала Мадридский доклад, в котором было представлено положение дел с правами человека в Польше. Получил ли этот доклад известность в мире?

— Этот доклад наверняка был замечен в Польше. У него был самый большой тираж из всех нелегальных изданий. В нем говорилось о злоупотреблениях, о действиях правительства и подчиненных ему учреждений, предпринималась попытка систематизировать эти действия. Мы отправили этот доклад в Мадрид. Каким тиражом он там вышел, я не знаю, но он дошел до “Свободной Европы”, то есть был озвучен — и это было для нас самым важным.

Между тем начала свою деятельность “Солидарность”, и Бюро помощи мы перевели в ее структуры. Первым подобное бюро создал в рамках “Солидарности” профессор Тадеуш Клопотовский. Наше бюро начало функционировать в рамках региональных структур Мазовии и стало настолько популярным, что филиалы бюро открывались при других региональных структурах по всей Польше. Но в нашем было больше всего сотрудников, причем наиболее опытных, поэтому мы занялись координацией всей этой сети, одновременно занимаясь и частными делами. Например, я лично участвовал в деле, касавшемся Верховного суда, где хотели учредить профсоюз, — в то время это было делом совершенно немыслимым, особенно если исходить из предположения, что судьи могут объявить забастовку... Были разные словесные баталии, однако в конце концов в Верховном суде появилась своя “Солидарность”.

То, что тогда происходило, зачастую казалось просто невероятным: все настолько ощутили веяние свободы, что, например, в декабре 1981 г. у нас неожиданно появился русский солдат. Он был из Легницы; коммунизм достал его уже настолько, что он решил сбежать. Сам он ничего не мог. Он воспользовался случаем, когда солдат повели в кино. Во время сеанса он выскользнул через запасной выход и сел в поезд, следовавший во Вроцлав, зная, что там активно действует

наша подпольная структура. А из Вроцлава его привезли к нам в Варшаву. Это была невероятная история: уже было введено военное положение, а мы прячем дезертира, которому грозит смертная казнь. В операции принимали участие несколько десятков человек. У нас в регионе он точно появился 8 декабря, то есть за пять дней до объявления военного положения. Сначала мы ему не доверяли: кто его знает, кто он такой и каковы его намерения? Не провокация ли это? Собрались Ирена Левандовская, Виктор Кулерский; Ирена как раз получила посылку от Булата Окуджавы со знаменитыми шоколадными конфетами — “мишками”. Мы ели эти конфеты и слушали его. Он утверждал, что по специальности он автомеханик, и Виктор — воспользовавшись большевистским методом — велел ему показать руки. Действительно, руки его были страшно натружены, смазка за многие годы так въелась в кожу, что это убедило нас в том, что он говорит правду. Лучше всего было спрятать парня в деревне, там он работал в теплице. Так он продержался до 1985 года, когда мы смогли перебросить его в Париж. Потом в парижской “Культуре” было интервью с ним. Насколько я знаю, он по сей день связан с польскими кругами.

— Объявили военное положение, и вы с женой решили создать радио “Солидарность”. Варшава мигает вам светом из окон. Как это было?

— Нас с Зосей не арестовали сразу благодаря стечению нескольких совершенно случайных обстоятельств. Я только что вернулся из Гданьска, а жена была в гостях, на именинах; она уже вышла из этого дома, и почти сразу же к этим людям ворвалась милиция и всех арестовала. Мы скитались по Варшаве по отдельности, по разным знакомым, и из-за этого нас не могли “вычислить”, хотя были моменты, когда наши преследователи оказывались почти у цели.

В январе через профессора Келяновского с нами связался конструктор будущего радио “Солидарность”. Это был инженер Рышард Колышко, по делу которого мы тоже много работали и которому еще где-то в мае 1981 г. поручили сконструировать радио. Оно должно было служить средством связи между предприятиями, где проходили забастовки. Ибо мы хорошо понимали, что в таких ситуациях официальная связь может быть прервана. И вот благодаря его аппаратуре 12 апреля 1982 г. мы вышли в эфир с первой передачей. Главная проблема была такая: откуда люди смогут узнать о наших намерениях? А день передачи мы выбрали сознательно — Светлый понедельник, когда силы правопорядка, стянутые в Варшаву со всей Польши, разъедутся по домам. В Страстную пятницу мы разбросали по

городу листовки с информацией. Когда с крыши одного из домов началась передача, коллеги предложили, чтобы те, кто нас слышит, помигали светом в окнах. И вдруг начала мигать вся Варшава, до самого горизонта! Впечатление было невероятное! Коллеги просто плакали. Но надо отметить, что это была акция скорее рассчитанная на эффект, нежели информационная, ведь вести передачи регулярно было бы сложно. 30 апреля, когда мы вышли с очередной передачей, весь квартал был окружен милицией — примерно тысяча милиционеров метр за метром прочесывали город. Любопытно, что многие польские научные институты вдруг занялись проектированием новых моделей передатчика, чтобы облегчить нам выход в эфир. Они буквально состязались в предложении новых идей.

— Потом были арест, тюрьма, а после освобождения вы вновь обратились к проблеме прав человека. Вы возглавили Комиссию помощи и законности независимого профсоюза “Солидарность”, потом организовали Международные конференции по правам человека в Кракове (1988) и в Ленинграде (1990). Это еще не было время свободы. Как удалось организовать эту конференцию?

— Выйдя из тюрьмы, мы начали искать формы открытой деятельности. Еще в 1984 г. мы пытались создать нечто подобное КОРУ. То есть мы хотели установить контакты с людьми известными, пользующимися авторитетом, которые могли бы выступать с комментариями по поводу событий, касающихся нарушений прав человека. Естественно, как диссидент, отсидевший в тюрьме, я не мог вернуться на свою работу. Тогда меня приютил Институт физики краковского Ягеллонского университета, и моя оппозиционная деятельность естественным образом переместилась в южную часть Польши. В 1988 г., когда проходили забастовки, мы решили бросить вызов правительству и организовать Международную конференцию по правам человека. Нам было важно, чтобы приехали люди со всего мира, что звучит несколько парадоксально, ибо сама организация конференции проходила в полной конспирации — в Новой Гуте, в приходе священника Казимежа Янцажа, который был само олицетворение энергии. Когда весь проект был уже готов, мы отправили информацию министру Чеславу Кищаку, который прислал к нам в качестве делегата начальника следственного департамента; мы пригласили и министра юстиции, который в свою очередь прислал делегацию из пяти судей воеводского суда. В конференции принимало участие около 1200 человек, в том числе 400 зарубежных гостей, из русских — Наталья

Горбаневская. Володя Буковский не сумел приехать, ему не дали визу^[6]. Но российский акцент на самой Конференции был довольно заметным, так как мы высказали свое мнение по поводу письма Александра Подрабиника, выразив надежду, что свободный обмен правозащитной информацией между поляками и русскими сблизит народы обеих стран и тоталитарному режиму придется пойти на уступки.

Вторая конференция должна была состояться в Вильнюсе. По известным причинам — сражение за телебашню — границы Литвы были заблокированы, и мы не могли предпринять никаких шагов. Поэтому мы решили провести ее в Ленинграде. В связи с этим я поехал к мэру Ленинграда Анатолию Собчаку, который дал согласие на организацию конференции. Практически это были последние дни города Ленинграда. Кроме гостей с Запада приехали гости со всего Советского Союза, из самых разных уголков. Тут были представлены и Камчатка, и Казахстан, и Грузия, в которой только что имели место кровавые столкновения — им надо было выплеснуть всю свою боль. Мы провели перед Зимним дворцом десятитысячный митинг. Потом были посещения тюрем; мы поставили проблему беспризорных детей, детей-инвалидов, говорили о состоянии детдомов. Эта конференция собрала воедино все накопившиеся человеческие обиды.

— С 1989 г. вы сенатор Третьей Речи Посполитой, уже шестого созыва. В 1998 г. вы учредили Фонд защиты прав человека. Кого сегодня приходится защищать этому фонду?

— Довольно нетипичным, хотя весьма впечатляющим мероприятием была выставка плаката на Кубе. Польский плакат считается одним из лучших в мире, и с его помощью можно прекрасно показать, как эволюционировала наша история и общественное сознание — начиная с рисунков сталинских времен на тему “плюгавого карлика реакции” [Армии Крайовой] и кончая Иоанном Павлом II. Это своего рода свидетельство, что нет такой безнадежной ситуации, из которой бы не было шансов выйти. Фидель Кастро лично написал два материала о пребывании на Кубе польских контрреволюционеров, и эти материалы в течение целого дня передавали по телевидению и по радио. Лучшую рекламу трудно себе представить! Кубинцы немедленно заполнили выставочные залы. Потом эта выставка ездила по всему миру — Франкфурт, Копенгаген, Лион, Страсбург, Петербург, Будапешт. А плакат — действительно превосходное средство передачи информации. Известно, что кубинцы — это весьма далекая от нас культура и совершенно иная ментальность, но

созданный коммунизмом механизм был везде одинаков, так что когда они видели польский соцреалистический плакат, то умирали со смеху, потому что символику понимали моментально. Например, плакат времен военного положения — белая пустая поверхность и внизу подпись: “цензуре”.

— В нынешний Сенат вы избраны от партии “Право и справедливость”. Как в настоящий момент правительству следует разговаривать с Россией?

— Можно сказать, что на протяжении последних десяти лет у Польши не было восточной политики — было только дублирование американской и европейской политики. Думаю, что в настоящее время эта политика вырабатывается, и наши интересы будут ясно сформулированы. Впрочем, на самом деле интерес у нас один, причем весьма очевидный, — демократическая, стабильная Россия. Вопрос это непростой, не только ввиду проблемы с Чечней и с Кавказом вообще, но и ввиду нестабильной экономики. Я опасюсь, что в настоящий момент в России пытаются с этой дестабилизацией бороться, выстраивая национализм и пробуждая имперское недовольство. Я не представляю себе, чтобы экономике мирового масштаба удалось восстановить советскую империю, не говоря уже об идеологии, — на это просто не хватит материальных средств. Я считаю, что для России единственно правильный путь — это строительство демократии и демократически сознательного общества. Но этот процесс потребует многих лет, декретом такого не введешь.

Беседовала Сильвия Фролов

Примечания:

1. “По просту” — общественно-политический студенческий журнал, выходивший в 1947–1957 гг. До 1955 г. — орган официальных студенческих организаций, с 1955 — “еженедельник студентов и молодой интеллигенции” (главный редактор Элигиуш Лясота), включившийся в реформы государственного устройства и ставший символом “польского октября”. Его закрытие в 1957 г. вызвало студенческие волнения и уличные беспорядки.
2. Александр Каминский (1903–1978), педагог, деятель харцерства (скаутства), историк; профессор Лодзинского университета, создатель метода воспитания детей младшего школьного возраста в духе харцерства; один из

организаторов “Серых шеренг” — харцерской подпольной организации времен войны, автор книг “Камни на шанец” и ““Зоська” и “Парасоль” [“Зонтик”]” (по названию двух батальонов АК, в которых во время Варшавского восстания сражались и харцеры из “Серых шеренг”).

3. Станислав Мантужевский (р.1928) — археолог, социолог и кинематографист. В 50-е годы сотрудник “По просту”, вместе с Чеславом Чаповым они первыми занялись исследованием хулиганских банд.
4. В июне 1976 г. премьер-министр Петр Ярошевич объявил в Сейме о практически уже совершившемся повышении цен на многие виды продуктов, настолько значительном, что властям пришлось дать обещание о выплате компенсации, но принципы этой компенсации всеми были признаны крайне несправедливыми. Это подтолкнуло рабочих многих предприятий к протестам. 25 июня волна забастовок прокатилась по всей стране. В Радоме, Урсусе и Плоцке дело дошло до уличных шествий и демонстраций, закончившихся столкновениями с милицией; в Радоме события приобрели особенно драматичный характер.
5. Эдвард Липинский (1888–1986), экономист, общественный деятель; профессор Высшего торгового училища, Высшего училища планирования и статистики и Варшавского университета, член и один из основателей КОР, один из организаторов Товарищества научных курсов (ТНК).
6. Дали, но перед самым отъездом аннулировали. — Ред.

“Рецензия и полемика” – конкурс “Новой Польши”

Ждём текстов активных Читателей бумажного и электронного изданий журнала. Создавайте “НП” вместе с нами!

Вас взбудоражило мнение автора “НП”? Или же вы хотите поддержать тезис публициста? Вы считаете новый номер ежемесячника скучным – или, может быть, увлекательным и ценным?

Поделитесь своей точкой зрения с редакцией сайта и с другими читателями. Присылайте свои рецензии (на статью из бумажной “НП”, на текст из электронной версии, на номер журнала), комментарии и полемики (со статьёй или с группой статей).

Ваших текстов ждём **до конца каждого чётного месяца**, начиная с августа 2006 года. Итоги конкурса будут объявляться до середины месяца, наступающего после срока присылки текстов.

Самые интересные тексты будут публиковаться на нашем сайте, а лучшие из лучших – также в бумажных изданиях. Лауреаты конкурса получают награду в виде **бесплатной годичной подписки на “Новую Польшу”**.

написать в редакцию